

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

СОКРОВИЩА НАМЕСТНИКА

Сокровища наместника

Алекс Орлов

Сокровища наместника

«Автор»

2013

Орлов А.

Сокровища наместника / А. Орлов — «Автор»,
2013 — (Сокровища наместника)

Молодой удачливый вор из портового города задумал неслыханную дерзость – забраться в сокровищницу самого королевского наместника. Однако был схвачен и отправлен в тюрьму навеки. Волею случая, спустя много лет, он все же вышел на свободу, но, оказавшись без средств к существованию, принял заманчивое предложение – перевезти в другой город золото гномов. Много золота. И при этом избежать засад многочисленных разбойников, алчных шпионов из соседнего королевства, скорых на расправу черных орков и козней колдуна...

© Орлов А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	10
5	12
6	14
7	16
8	18
9	20
10	21
11	24
12	26
13	28
14	30
15	33
16	35
17	36
18	38
19	40
20	41
21	43
22	45
23	47
24	49
25	51
26	54
27	56
28	58
29	60
30	62
31	64
32	65
33	67
34	69
35	71
36	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Алекс Орлов

Сокровища наместника

1

Дела у Мартина шли неплохо. Давно ему не везло так ровно, без никаких погонь и побоев. Неделю назад он выиграл в кости сто золотых терциев у пьяного инворского купца, при этом почти не мухлевал и отдал небольшую долю портовому вору, который время от времени отвлекал купца, чтобы Мартин мог подправить кубики пальцем.

Третьего дня у менялы на Солевом рынке удалось стащить мешочек с серебром, и тот не сразу его хватился, а когда хватился, Мартин был за три улицы, однако и оттуда слышал возмущенные крики.

И вот теперь, пока удача сама шла в руки, он решил сорвать большой куш, о котором давно думал, к которому давно примерялся. Ему даже снилось, как он проделявает этот фокус, спускаясь по волосяной веревке, привязанной к ветке старого каштана.

А там и заветное окошко, в которое, Мартин это знал точно, он обязательно пролезет. Хотя вот Скат, который легко мог пролезать в какие угодно щели, отчего и получил свою кличку, уверял, что окошко узковато.

– Тут дело другое, – говорил он. – Тут боком лезть придется, ребра разопрут, и застрянешь. Вот если б ровно.

– Или если б померить, – вторил ему Джонни-Зигзаг. – Отсюда трудно прикидывать, Мартин.

Такие беседы происходили всякий раз, когда Мартин с приятелями проходил мимо сада королевского наместника. Лорд Ширли был немало озабочен охраной своего дома с обширным садом и не жалел на это средств, нанимая сторожей из отставных матросов, которые были неподкупны и весьма свирепы. Попадавшие к ним в руки воры редко добивались свиданий с городским судьей. Крепко избитые, они занимали камеры с гнилой соломой в загородной тюрьме лорда, и никто не помнит, чтобы оттуда кто-то возвращался.

И все же это не мешало Мартину мечтать, ведь воры говорили, будто в высокой башенке наместник хранил все свое золото.

Но почему именно в башне, если лучшее место – глубокий подвал?

Так и было в городе прежде, пока семь лет назад с торгового судна в Лиссабоне не сошла бригада из двенадцати фингийцев, которые выдавали себя за каменщиков-строителей. Дела в Лиссабоне шли хорошо, город развивался и прирастал новыми кварталами в сторону холмов, поэтому фингийцы быстро нашли себе работу и какое-то время прилежно тесали камни и клали на раствор.

А потом случилось непредвиденное – из подвалов купца Афансана, владевшего торговой флотилией из полусотни кораблей, умыкнули все сундуки с золотыми терциями и старыми бурбонскими гинейями. Золота взяли столько, что серебро ворами пришлось оставить – не смогли унести.

И не помогла Афансану целая армия из сторожей с алебардами, стрелков-арбалетчиков и следопытов с собаками, поскольку воры сделали подкоп в ста шагах от места строительства, где работали, до золотых хранилищ купца и отчалили на фингийской посудине за два дня до того, как владелец хватился своей пропажи.

Скандал случился небывалый, дело дошло до короля, и он приказал своему флоту искать воров вдоль побережья, однако по истечении месяца не было найдено даже свидетелей, и все решили, что фингийцы уплыли за океан.

Якобы даже имел место обмен письмами короля с фингийским фронунгом, где его величество выдвигал соседям ультиматум, подозревая в покрытии аферы высокопоставленных лиц Фингийского края, но скорее всего это были слухи, поскольку воевать из-за обиды одного, пусть и очень богатого купца никто не собирался.

Воевать не стали, но выводы богатыми подданными короля были сделаны, и все свои сокровища они стали переносить в башни, где в стародавние времена размещались дозорные.

Те, у кого дома были поновее и башен не имели, срочно их строили, и это начинание поддерживал даже королевский прокурор, приезжавший из столицы посмотреть на это новшество в Лиссабоне. Он сказал что-то вроде: раз воров в портовом городе как блох на собаке и всех их не вывести, строить башни дело самое верное.

С точки зрения воров, это, конечно, затрудняло их работу, хотя прежде в Лиссабоне никто делать подкопы не пытался. Дело это трудоемкое, а здешние воры утруждать себя не любили.

2

Не оставался в стороне от новшеств и королевский наместник. Мартин был еще мальчишкой и бегал смотреть, как надстраивали на два этажа башню, стоявшую возле дома лорда Ширли.

Мартин тогда жил у тетки на полном пансионе, но уже смотрел в сторону порта, завидуя беззаботности беспризорных ватаг, которые, по его мнению, олицетворяли настоящую волю.

А у тетки ему приходилось ежедневно выпасать двух коз и убираться в свинарнике. И, кроме того, в конце недели приходил старик Волынжер, служивший когда-то писарем в торговой палате, и за пять куриных яиц проводил урок по арифметике или грамматике, а когда Мартин отвлекался, бил его по голове желтым от табака пальцем, и Мартину еще сильнее хотелось сбежать в порт.

Тогда он и не помышлял о карьере настоящего вора и на строительство башни в саду наместника смотрел лишь с мальчишеским любопытством. Позже его любопытство приобрело профессиональный оттенок, да и дерево возле башни подросло достаточно, чтобы у Мартина постепенно сложился подходящий план.

В башне имелось единственное окно, оставшееся от прежнего верхнего этажа. Его сильно сузили вертикальной кладкой, но, по мнению Мартина, ширина его все же была достаточной, чтобы в него пролез молодой, не обремененный лишним весом вор.

Мало того, если окно оставили, значит, под ним находилась главная дверь с замками и дневной свет был нужен, чтобы попадать ключами в замочные скважины.

С замками Мартин был на короткой ноге и, если позволяло время, мог любой из них вскрыть кривой «косичкой», купленной у заезжего вора за двести серебряных терций. Сумма была огромной даже для Счастливчика Мартина, но инструмент того стоил. Случалось, что «косичка» застревала в плохо смазанном замке, и, высвобождая ее, Мартин сворачивал в замке язычок или ломал пружину, однако кривое жало «косички» ничуть не страдало, она действительно стоила заплаченных денег.

И вот в одну из темных летних ночей Мартин поднялся с кровати по нужде. Он зажег лампу и вышел из комнаты в коридор, пугая разыгравшихся крыс, которые подбирали объедки, оставшиеся от жильцов – моряков, проституток, воров и разных скользких субъектов, вроде тех, что обирали по темным углам свалившихся пьяниц.

По вечерам коридоры доходного дома бывали завалены разным мусором, вроде картофельных очисток и яичной скорлупы, но уже к утру ничего не оставалось – крысы подбирали все.

Владелица дома – полная пятидесятилетняя дама по кличке Морячка Джейн – терпела крыс именно по этой причине, они помогали ей экономить на уборке, хотя, случалось, забирались и на кухню.

Кроме писка крыс и их торопливого топота, никаких других звуков слышно не было, беспокойные съемщики уже спали.

Мартин прошел по коридору, открыл дощатую дверь и подождал, давая возможность заматавшейся крысе выскочить в коридор. Затем зашел в нужник, поставил лампу на специальную полку и, подняв обитую сыромятной кожей крышку, задержал дыхание, пока зловонный ветер из отхожего туннеля не успокоится и не выскочит в узкое окошко.

– Стой, сволочь, стой!.. – донеслось с улицы, и мимо дома, один за другим, пробежали несколько человек. Особенно громко стучали башмаки портовых грузчиков на деревянной подошве.

«Должно быть, шерсть разгрузили», – подумал Мартин, отливая в туннель. Три дня в порту стояло судно с грузом шерсти, и его круглосуточно разгружали – в работу взяли всех,

кто просился, хозяин очень спешил, а судно было немалое – три мачты. Почти как королевский «Дромадер». Шерсть разгрузили, грузчики получили расчет и теперь пьянствовали. А где пьянство, там игра в кости, жульничество и поножовщина.

Справив нужду, Мартин слил в туннель кувшин воды, потом зачерпнул его из бочки и поставил на прежнее место наполненным.

Эту моду завела в доме Морячка Джейн, а до нее, при другом хозяине, здесь часто мочились прямо в коридоре. Новые правила приживались трудно, моряки не понимали, почему нельзя просто «отлить за борт», но у Морячки были крепкие кулаки, а для особо непонятливых она носила на поясе под фартуком дубовую колотушку со скотобойни.

Одним словом, мода прижилась, и в доходном доме стало лучше пахнуть.

3

Уже добравшись до своей комнаты и погасив лампу, Мартин лег в койку и, натянув одеяло до подбородка, стал смотреть в темноту. Ему в голову пришла мысль, которая постепенно приобретала законченные очертания. Теперь он знал, как точно измерить ширину того самого окошка.

Улыбнувшись в темноту, Мартин повернулся на бок и уснул, а утром, когда все другие постояльцы еще спали, закрыл комнату на всякий замок и спустился со второго этажа во двор, где шаркала метлой сама Морячка Джейн.

– Куда так рано, Мартин? – спросила она, не переставая работать.

– Делишки, мадам, – на ходу бросил Мартин, поеживаясь от утренней свежести и запахиваясь в пижонскую короткую курточку.

– Делишки... – с неопределенной интонацией повторила Морячка Джейн и принялась еще резче махать метлой.

Мартин выскочил на улицу и заспешил в сторону Мелового рынка, где торговали щебнем и тесаным камнем. Располагался он за городом, и идти предстояло через неблагополучные районы, где даже прилично одетым ворам ходить было небезопасно. Но это ночью, а сейчас с первыми лучами солнца на улицы выходили стражники.

От скорой ходьбы Мартин пришел в себя и согрелся. Идти по мостовой было удобно, она здесь сохранилась в полном порядке, не считая отдельных вздувшихся участков. Прежде это был центр города, но по мере того, как берег поднимался, а море отступало, за ним тянулся порт и весь город. Богатые домовладельцы съезжали, продавая дома, или разбирали их на материал и возводили на новом месте. Но многие постройки были сделаны еще из сланца и разборке не подлежали, поэтому район в основном остался таким, как прежде.

Работала не чиненная много лет канализация, что позволяло на здешних улицах свободно дышать. Тут не было сточных канав, куда жители сливали содержимое помойных ведер и ночных горшков, и все уходило по скрытым туннелям. Правда, мусора хватало, уборкой здесь занимались немногие, озабочиваясь только видом из собственных окон.

Постепенно мостовая становилась все хуже и вскоре превратилась в перемешанную с красноватой землей щебенку, кое-как накатанную проезжими телегами. В дождь все это превращалось в наполненные жидкой грязью ямы-ловушки, куда возы проваливались по самую ступицу.

Именно здесь, в районе небогатых ремесленников, не входивших в большие цеха и не имевших пока средств, чтобы переехать в слободской район, заканчивались сливные туннели более благополучных районов, и все нечистоты выливались в сточные канавы, которые в дожди выходили из берегов, превращая узкие улочки в настоящие реки – от стены до стены.

Однако и тут имелись лавки, по пыльным тротуарам спешили с заказами прачки, подмастерья тащили на тележках штуки с отбеленными холстами на покраску, а пьяный зеленщик раскладывал на дощечке петрушку и лук.

Поскольку утром погода была безветренной, запах здесь стоял тяжелый, но к полудню появлялся бриз, и тогда жильцы открывали окна.

Выйдя на торговую площадь, где воздуха было больше, Мартин перевел дух и зашагал дальше, обходя тележки с товаром и привычно поглядывая на пояса торговцев, где висели пока еще тощие кошельки.

К концу дня в них набивалось меди и серебра, и тогда кошелек привлекал внимание воров. Но пока их здесь не было – воры спали и появлялись, когда кошельки становились потолще, а людей набиралось побольше, так было проще работать.

4

За площадью начиналась Речная слобода, хотя до реки было десять миль. Сам Мартин в те места не совался, там были каменистые пустоши и голые холмы до самой реки, а вот другой берег был покрыт буйной растительностью. На нем зеленели луга, рощи, вдалеке, если смотреть с холмов, виднелись каменные домики, утопавшие в садах, и разделенные на квадраты земляные наделы, где трудились заречные жители.

Выйдя на Рыбную улицу, Мартин остановился, пропуская колонну заречного народа. Это были невысокого роста широкоплечие мужчины с приплюснутыми лицами. Они хмуро смотрели из-под кустистых бровей и тянули пустые повозки, в которых до рассвета доставляли в город зелень и овощи.

Свой товар они отдавали местным торговцам оптом и сами розницей не занимались, хотя могли бы получать за нее втрое больше.

За мужчинами, впряженными в повозки по двое, следовали женщины заречных. Они были закутаны в серые мешковатые одежды и отличались от мужчин лишь тем, что не носили бород. Их длинные волосы были собраны в пучки и подвязаны тряпицами, а за собой они тащили повозки поменьше.

– Ну и красотки, – хмыкнул какой-то человек из собравшейся группы зевак, которые смотрели на заречных.

– Переваливаются, как кнехты, – добавил другой, отмечая походку низкорослых пришельцев.

– И откуда силы берутся, столько топать? – вмешалась торговка канифолью, от которой пахло древесной смолой. – Десять миль до речки, потом еще до переправы своей чухать будут и ждать до ночи.

– А чего же ждать? – спросил ее кто-то.

– Дык ночью переправу они наводят.

– А чего же не днем?

– Не знаю, говорят, днем их река наказать может, поэтому им ночью сподручнее.

– Могли бы лучше лошадей запрячь, чего сами-то тянут?

– Они лошадей боятся, – пояснил тот, который и начал это обсуждение, рыжеватый небритый мужчина без двух передних зубов. – У них все без лошадей – сами впрягаются.

Перейдя через улицу, Мартин продолжил движение к Меловому рынку. Заречные, конечно, чудные, что по виду, что по повадкам. Он несколько раз видел их в городе по утрам, но никогда не замечал, чтобы они с кем-то разговаривали. С закупщиком овощей общался лишь один из них и почти всегда какими-то знаками. Даже между собой они не разговаривали, по крайней мере Мартин этого не видел.

На дороге показались стражники, усатый сержант в потертой кожаной шляпе и латаном мундире и двое солдат-монгийцев, ростом на две головы выше него, в шлемах и старых помятых кирасах. Развитые надбровные дуги и выпирающие скулы придавали им свирепый вид, а богатырское сложение и оливковая кожа лишь добавляли видимой мощи.

Широкие алебарды в их руках выглядели словно игрушечные топорики.

По понятным причинам Мартин стражников не любил, а уж от таких и вовсе старался держаться подальше. Монгийцы были неутомимыми бойцами и хорошо бегали. Уйти от них можно было лишь за счет лучшего знания города.

Посторонившись, Мартин остановился, сделав вид, что рассматривает собственные башмаки. Сержант подозрительно на него покосился – дорогая одежда не могла ввести его в заблуждение. И вполне благополучные с виду воры попадали на недельку-другую в городскую тюрьму, но то ли у сержанта не было настроения, то ли тюрьма была переполнена, но, подавив

вздых, он прошел мимо, а за ними и пара плечистых монгийцев, готовых выполнить любой приказ начальника.

5

Белая пыль над Меловым рынком стояла столбом. Мартин поспел к началу отправки штабелей с камнем и известью.

Лошади-тяжеловозы били копытами и недовольно трясли длинными гривами, а возчики ругались с грузчиками, грозя кулаками. Но до драк не доходило, это были всего лишь здешние манеры.

Мартин отметил, что среди грузчиков много монгийцев, а раньше он видел их здесь не больше полудюжины.

В накидках из мешковины, присыпанные белой пылью, они выглядели еще необычнее, чем те стражники в побитых кирасах.

Стараясь держаться подальше от вздымаемых телегами известковых облаков, Мартин вышел к относительно чистой, мощенной досками территории, где крупные оптовики вели переговоры с солидными покупателями, прибывшими не ради пары сотен камней для пристройки, а претендовавшие на десятки тысяч, доставка которых производилась не с рынка, а напрямую из каменоломен.

Заметив скучающего приказчика, Мартин подошел к нему и поздоровался.

– Доброго вам утречка, хозяин!..

Приказчик, конечно, был здесь не хозяин, но такое обращение ему понравилось.

– И вам доброго утречка, господин хороший, – ответил он, окидывая Мартина быстрым взглядом, чтобы понять, что перед ним за покупатель. – По какому интересу к нам прибыли?

– Ремонт нужен. Не так чтобы большой, но камни требуются особые, чтобы смотрелись как старые.

– Это понятно, тут тонкий подход нужен. Проходите к забору, у нас тут всякого камня понемногу выставлено, – сказал приказчик и, указав на сложенную из ракушечника стену, зашагал к штабелям. Мартин поспешил следом.

– Вам пиленный камень нужен или какой? – на ходу спросил приказчик.

– А какие бывают?

– Дык, вот они, – приказчик остановился и стал показывать на штабеля, перечисляя их названия. – Вот пиленный, вот тесаный, а вот этот самый дешевый – колотый. Пиленный – мягкий, почти меловой. Тесаный и такой, и такой бывает, а колотый – гранит и кудельник. Их тесать – лишь зубила переводить.

– Меня интересует вот эти, – сказал Мартин, подходя к штабелю с тесаным камнем. – Какой размер, к примеру, вот у этого?

– Ширина – четырнадцать дюймов.

– А других размеров тесаные камни не бывают?

– Нет, все по четырнадцать. Больше только плита идет, но плита она и есть плита.

– А меньше четырнадцати быть не может?

– Не может, – уверенно заявил приказчик.

– Почему?

– Потому, что несподручно рубить и несподручно грузить.

– Понятно. Спасибо вам большое, хозяин, я пока пойду мерить, сколько мне такого камня понадобится, и вам, вот, пять денимов за услугу. Теперь мне окончательно все понятно.

– Премного благодарен, – улыбнулся приказчик и быстро спрятал монетки, пока не увидел хозяин.

Башмаки Мартин порядком подпортил, и теперь их нужно было чистить с водой, а потом заново смазывать салом или чернить дорогой ваксой, только его это уже не беспокоило, поскольку он знал точный размер окна в башне наместника и был уверен, что обязательно в

него пролезет. А все почему? Потому, что прошлой ночью он еще раз думал про это дело и вспомнил, как выглядят положенные под окно камни – на них были заметны следы от зубила, причем вполне характерные. Можно было, конечно, и по городу походить и где-то найти в стене такой же камень и самолично его померить. По крайней мере не испортил бы башмаки, но поскольку дело было нешуточное, Мартин рассудил, что лучше спросить знатока.

6

Мартин не шел, он будто летел на крыльях. Дело оставалось за подходящим инструментом и веревкой. Веревка у него была своя, новая волосяная – тридцать футов длиной. А вот инструмент еще требовалось найти, поскольку одной «косички» здесь могло оказаться мало.

На купеческих складах замки были массивными, крепкими, но одинаково простыми, а вот у людей важных, вроде наместника или даже у менял, хватало денег и ума приобрести игрушку из-за моря. И Мартин видел такие замки. Пружинка и язычок там были укрыты за винтовым каналом, который «косичке» было не преодолеть, а хороший итальянский набор отмычек был большой редкостью и стоил огромных денег.

Правда, Мартин знал одного человека, у которого такой набор имелся, хотя связываться с ним Мартину не очень хотелось. Это был Харпер, в прошлом дорожный разбойник, который устал от кровавого ремесла и осел в Лиссабоне. Поначалу он занимался понятной ему работой, выбивая долги и устраняя конкурентов, но позже перешел на скупку краденого и стал давать в пользование воровской инструмент.

И хотя отдавал он инструмент дорого, на него все равно находился спрос, поскольку инструмент у Харпера был самый лучший.

Жил он в самом конце Валяльной слободы, где всегда пахло «паленым козлом», как говаривал сам Харпер. Почти все здешние жители занимались валянием шерсти в грубое сукно, из которого шили куртки на зиму и шкиперские плащи с покрытием из кожи.

После валяния готовые изделия обжигали на пламени, и оттого над слободой постоянно витал запах паленой жести, а по заиленным сточным канавам стекал мутный кипяток.

Мартин без отдыха отмахал до дома Харпера через весь город. Остановился возле мутного окошка, огляделся и только потом негромко постучал.

За стеклом дернулась занавеска – хозяин выглянул в окно и пошел открывать. Лязгнули засовы, и много повидавшая дубовая дверь приоткрылась.

– Чего тебе? – не приветливо спросил Харпер, не увидев у гостя никакой сумки или мешка с добычей. Мартин знал, что одну руку хозяин держал за спиной и в ней был нож – Харпер никому не доверял.

– Насчет инструмента, – сказал Мартин.

Харпер выдержал паузу, буравя гостя взглядом, потом открыл дверь пошире и отступил внутрь.

Мартин вошел, дверь захлопнулась, и стало темно. Хозяин не зажигал здесь огня, чтобы посетители оставались скованны и не смогли напасть на него, пока он закрывает задвижки.

Лишь закончив с замками, Харпер скомандовал:

– Два шага вперед и толкай дверь.

Мартин так и сделал и оказался в комнате с небольшим окошком, которое выводило в дровяной тупик.

– Садись, – буркнул Харпер, и Мартин сел на единственный распатанный стул. Сам хозяин примостился у стены на лавке. Его нож уже был в ножнах на поясе. Широкий разбойничий нож, в городе таких не носили.

– Какие дела сейчас ведешь? – спросил Харпер.

– Разные дела, – пожал плечами Мартин.

– Слышал, тебе везет.

– Везет.

– Чего теперь задумал?

– Кое-чего, – пожал плечами Мартин. – Пока только подумываю.

– Инструмент на подумывание взять хочешь или на работу?

– А тебе какая разница? Я плачу деньги, а там пусть хоть под койкой валяется.

– Это так, – согласился Харпер. – Ну ладно, инструмент так инструмент.

Он поднялся, подошел к скособоченному комоду и, выдвинув скрипучий ящик, достал увязанную кожаным шнурком сумку, которую подал Мартину.

Тот развязал шнурок, разложил сумку на коленях, несколько мгновений смотрел на торчавшие из кармашков отмычки и, не дотронувшись до них, свернул сумку и возвратил Харперу.

– Это не тот инструмент.

– Почему не тот? – сыграл удивление хозяин. – Чем он тебе плох?

– Инструмент весь битый и поцарапанный, значит, металл плохой. Мне в работе сырое железо не нужно, а если понадобится, я гвоздей куплю.

– А если другого у меня нет?

– Тогда пойду искать дальше, Лиссабон город большой.

Харпер размышлял недолго и, выдвинув очередной ящик, достал тот инструмент, который был нужен Мартину. Уже по одному виду сумки тот понял, что это набор от итальянских мастеров, и, приняв его у Харпера, сначала взвесил в руке – сумка весила заметно больше, чем предыдущая.

Развернув ее на коленях, Мартин без спешки перебрал весь набор, ощупывая каждую спицу и винт. Все было в полном порядке, и стоил такой набор двести, а то и триста золотых терций, в зависимости от места покупки. Но Мартину не верилось, что Харпер покупал такой дорогой инструмент для себя, скорее у кого-то отнял.

Поймав на себе взгляд гостя, Харпер ухмыльнулся и сказал:

– Десять золотых монет, и отдам на неделю.

– Четыре терции, и возьму на пять дней.

– Идет, – кивнул Харпер, и Мартин поднялся. Теперь от сокровищницы королевского наместника его отделяло совсем немного.

7

О том, как охранялся дом и сад лорда Ширли, Мартин знал давно. Он начал следить за этим, когда еще только присматривался к башне.

Вот и теперь, проходя по другой стороне улицы, он сквозь ограду и подстриженные кусты видел, как двое охранников прохаживаются вдоль дома, позевывая и почесываясь. За те несколько лет, что они служили у наместника, никаких особых потрясений не происходило, поэтому сторожа размякли и изредка развлекали себя стравливанием собак, которых держали только для виду, а на ночь запирали в подвал, иначе они лаяли и мешали спать супруге наместника. Мартин знал об этом, и его это устраивало.

Уже уходя с улицы, где стояли самые богатые дома города, Мартин заметил за собой слежку. Какой-то оборванец в лохмотьях, припадая на правую ногу, ковылял за ним на расстоянии шагов тридцати, останавливаясь, когда останавливался Мартин, и разгоняясь вприпрыжку, когда Мартин переходил очередную улицу.

Что ж, этого следовало ожидать, Харпер был жаден до чужой добычи.

Несколько удачливых воров, бравших у него инструмент или приносивших на скупку дорогие вещи, бесследно исчезли. Расспрашивать о том, куда они делись, у Харпера, разумеется, никто не решался. Но выводы были сделаны – серьезные воры перестали носить ему золото, ограничиваясь мелочью, и вскоре основной клиентурой разбойника стали барахольщики, не брезгавшие даже бельем с веревок.

Делая вид, что не замечает следившего за ним оборванца, Мартин оправился к себе домой и, запершись в комнате, спрятал драгоценный инструмент под выдвижной кирпич. Затем нашел в сундуке тряпицу, похожую по цвету на сумочку от инструмента, и выгреб из столового ящика дюжину чайных посеребренных ложек, оставленных для себя после одного дельца. Завернув их в тряпку и перетянув подходящим шнурком, Мартин взвесил сверток в руке и улыбнулся. Теперь тот выглядел, как сумка с инструментом, и можно было переходить к следующей стадии плана. Однако, выйдя в коридор, Мартин увидел двух соседей-моряков, которые сцепились в который раз за неделю и били друг друга уже по старым синякам.

Подождав, пока оба свалились на замусоренный пол, Мартин спустился во двор и сразу увидел своего провожающего, тот сидел у стены за тележкой с дровами.

Пройдя мимо него, Мартин вышел на улицу и поспешил в сторону порта, к харчевне «Веселое бревно», где собирались воры и жулики со всего города.

Идти приходилось через населенные районы, где людей было, как муравьев в лесу, но «хвост» держался цепко, и Мартин благополучно притащил его к заведению.

Но в харчевню оборванец не сунулся, поскольку ее хозяин, Свирепый Билли, вполне соответствовал своему прозвищу и отваживал грязнуль и оборванцев от своего заведения.

«У нас тут, конечно, не ресторан и паштетов не подают, но блохоносов я не потерплю!» – говаривал он, грозя с крыльца дубинкой.

Понимая, в какой ситуации оказался «хвост», Мартин вошел в харчевню, перекинулся парой слов с разносчиком и подсел к одному из знакомых, который расположился недалеко от окна, к которому тотчас прилип лбом вертлявый оборванец.

– Здорово, Костыль!

– Здорово, Мартин, – ответил Костыль, прозванный так за привычку таскать инструмент для взлома под видом клюки. Таким образом, он был готов сломать замок в любую минуту, а если надо, то и отбиться тяжелой клюкой. Правда, и стражники на такой костыль реагировали неодобрительно, и Костылю случалось получать от них за подобное вооружение.

– Как делишки?

– Ничего, шкондыбаем понемногу, – улыбнулся Костыль, потягивая из деревянной кружки кислое пиво. – Третьего дня у купчишки мешок с мелочью дернул, на пиво хватает.

– Давно сидишь?

– С утра. А до этого – весь день и до вечера. Я бы и спать тут лег, но Билли не позволил, у него тут порядки, ты знаешь.

– Да уж знаю, пацаном получал от него пару раз дубиной.

– А ты, я слышал, нынче на волне?

– Да вроде, – пожал плечами Мартин. Он действительно был в порядке и кое-что прикопал за городом в развалинах на черный день. Завяжи он сейчас, мог бы купить домик где-нибудь в захолустье и открыть какую-никакую торговлю – например, холстом. Или работников нанять и шить что-нибудь.

Мартина не раз посещали такие мысли, но спокойную, лишенную опасностей и риска жизнь он себе пока не представлял, ведь ему было только двадцать пять лет – для вора самый расцвет. Ему было только двадцать пять, а он уже мастерски работал и по карманам, и по замкам, и дверь мог снять с петель без особого шума – спасибо Гарцу Седому, который научил. Правда, теперь он сидел в городской тюрьме, и говорили, что уже бессрочно.

Мартину принесли пиво и тарелку с бобами, которые в харчевне готовили со свиными шкварками.

– Хочешь бобов? Могу угостить, – предложил он Костылю.

– Не, – отмахнулся тот. – Я уже пойду.

– Ты же вроде празднуешь?

– Кореша из порта новое дельце мозгуют, приглашали подойти.

– Это правильно, – улыбнулся Мартин. – Дела прежде всего, а допраздновать всегда успеешь.

– Успею, – согласился Костыль и единым махом допил свое пиво.

– Ты вот что, можешь поддержать у себя пустяковину одну?

– Какую?

– Да вот, мелочишка – ложки серебряные, мне их с собой сейчас не хочется таскать, побегу на площадь, там сегодня кошельки сами в руки просятся.

– Ну давай, – согласился Костыль, и Мартин подал ему сверток, так похожий на сумку с итальянским инструментом.

– Пустяковина, – сказал Костыль, взвесив сверток, и сунул в карман куртки. – Пропью – не взыщи.

– Хорошо, только не сегодня, – усмехнулся Мартин, замечая, как оборванец за окном сделал стойку при виде свертка.

«Харпер, морда...» – подумал Мартин, вспоминая, как разбойник раздумывал, прежде чем отдать инструмент. Видимо, сразу спланировал, кого пошлет по следу.

Забрав толстую трость с упрятанной в ней фомкой, Костыль ушел, утянув за собой оборванца. А Мартин с удовольствием пообедал, допил пиво и пошел домой. Сегодня он хотел отдохнуть и собраться с мыслями. Откладывать дело смысла не было, и этой ночью, если не будет дождя, он намеревался вскрыть сокровищницу наместника.

8

Мартин досконально знал свою улицу, поэтому даже в полной темноте обходил выбоины в мостовой и где нужно перешагивал через кучи лошадиного навоза.

Через три здания от его дома стояла заброшенная постройка, междуэтажные деревянные балки которой сгнили, отчего она стала непригодна для жилья, но для тайника подходила в самый раз. Мартин давно понял, что таскаться с воровскими инструментами домой было рискованно, случалось, что приходявшие по доносу стражники обшаривали жилища воров и находили достаточно вещей, за которые городской судья сразу давал срок. Вот поэтому веревку с крючьями, шапку из толстого войлока и башмаки из сыромятной кожи Мартин никогда не приносил домой и хранил под крышей заброшенного дома, куда прятал также плотный плащ для завешивания окон, огарок свечи в жестяной коробке с кресалом, ну и остатки добычи – серебряные статуэтки, бронзовые подсвечники, шитую золотом мебельную обивку и медные деньги, если удавалось взять много.

Добравшись до развалин, Мартин постоял, прислушиваясь, однако ничего подозрительного не услышал. Вокруг сновали только крысы, а кое-где из окон доносились пьяные голоса, но здесь это было не редкость, в отличие от рабочих слободок, где люди ложились рано.

Ориентируясь на ощупь, Мартин поднялся по остаткам полуразрушенных лестниц на третий этаж, где в полной темноте переобулся, захватил плащ и войлочную шапку, после чего поднялся на крышу и по коньку прошелся на другую сторону дома. Там, снова на ощупь, добрался до лестницы и спустился на соседнюю улицу.

Теперь у него с собой было все необходимое и оставалось лишь пройти по ночным улицам до дома наместника.

На случай стычки с грабителями у Мартина был нож, а вот от встречи со стражниками могло помочь только бегство.

Обычно патрули шли с фонарями и видно их было издалека, но иногда случались облавы, и тогда стражники тихо стояли в углах, поджидая, когда ночные визитеры сами попадут к ним в руки.

Мартину случалось попадаться в ночные засады, но один раз по молодости он лишь получил зуботычину за спрятанную в кармане брошку, а в другой раз успел сбросить сумку с двумя срезанными кошельками.

Стражники ее тогда все же нашли, но Мартина на радостях отпустили, отправившись пропивать добычу.

Кошки, крысы, запоздалые гуляки. Мартин видел всех и, затаив дыхание, прижимался к стенам, дожидаясь, когда очередной прохожий пройдет мимо.

Дело мог испортить какой угодно пустяк, и рисковать было нельзя.

Примерно через час с испариной на лбу из-за душной погоды Мартин вышел на нужную улицу.

Окна здесь ярко светились, богатые не жалели ни масла, ни свечей.

Мартин выбрал угол потемнее и затаился в нем, привыкая к месту.

Где-то лаяли собаки, слышались голоса слуг, унимавших их. Все обычно, все как всегда.

Сняв шапку, Мартин рукавом отер вспотевший лоб. Он бы эту шапку и вовсе не надел, но в таком деле, спускаясь по веревке, случалось опираться о стену головой – двух рук не хватало, и тут толстая шапка была очень кстати.

«Пора», – скомандовал себе Мартин и, перейдя улицу, снял с пояса веревку. Еще раз огляделся и забросил крюк на каменную стену.

Тот встал крепко и почти беззвучно из-за намотанной на него тряпки. Дернув веревку пару раз для проверки, Мартин начал карабкаться, быстро перебирая руками. Вот и верх стены

– гладкий и ровный, не то что заточенные пики железной ограды. Это лишь казалось, что подниматься по ним проще, ведь не понадобилось бы даже веревки, но воровская история знала немало случаев, когда воры оставались на этих пиках, совершая впопыхах ошибку.

Стена, пусть и высокая, все же надежнее.

Полежав на ней и удостоверившись, что его никто не заметил, Мартин переставил крюк и спустился в сад, испытывая при этом знакомое возбуждение от предстоящего погружения в неведомое.

Оставив крюк на стене, чтобы облегчить отход, Мартин рассмотрел белеющий массив башни и двинулся к нему, стараясь быть предельно внимательным.

Идти следовало только по траве – гравийные дорожки слишком шуршали. Добравшись наконец до каштана, Мартин ощупал его ствол и проверил, все ли на месте – инструменты и приспособления. Ничего не пропало, не отвалилось, не осталось на траве, значит, можно было лезть на дерево.

9

Память Мартина не подвела – он помнил, куда ведет та или иная ветка и какой она толщины. Могучий каштан принял его вес, даже не вздрогнув. Чем выше Мартин поднимался, тем больше запахов примешивалось к горьковатому запаху листвы. Вот господская кухня, а вот конюшня, хотя и далеко до нее. А это прачка кипятит белье – всю ночь до утра. Как бы не вышла в сад подышать, хотя это и не в привычках у прачек.

Наконец Мартин оказался на той самой ветке, нависавшей над единственным окном башни, и, остановившись, перевел дух, чтобы не спеша прицелиться и привязать веревку правильно, ведь исправить будет уже невозможно. Но воровской навык не подвел, и скоро Мартин уже медленно скользил по волосяной веревке, притормаживая намотанным на руку плащом.

Вот и окно. Мартин остановился и, сунув ногу в петлю, потянулся рукой и дотронулся до стекла. Потом ощупал раму и удостоверился, что действительно сможет пролезть внутрь.

Вынув из-за пояса медную палочку с алмазным кристаллом, он уверенно провел ею вдоль свинцовой обвязки, убрал резак и, развернув тряпицу, пропитанную засахаренным медом, наложил на стекло. Потом аккуратно прокатал рукоятью ножа и, выждав мгновение, шлепнул раскрытой ладонью.

Стекло вывалилось внутрь, повиснув на медовой тряпке.

Слыша, как бьется сердце, Мартин подождал, пока придет в себя. Нельзя было работать, когда ты в запале, а он действительно волновался, ведь столько лет думал об этом деле – как подобраться да как влезть. И вот это окно – открыто!

Мартин аккуратно снял плащ и кинул на край свинцовой оплетки, затем чуть подтянулся и сумел немного протиснуться, опираясь на правый бок.

Еще немного, еще. Извиваясь, словно змея, он постепенно перемещался внутрь, при этом его нога все еще была в веревочной петле.

В башне пахло мышами и сыростью. Жестяная коробка застряла, и Мартину пришлось не дышать с минуту, чтобы втянуть живот, поэтому, уже перевалившись внутрь, он увидел в темноте расходящиеся фиолетовые круги.

Не хватало еще лишиться чувств, то-то охранники посмеются.

Понемногу стравливая веревку, Мартин спускался вниз и вскоре коснулся головой ступенек. Потом перевернулся и, наконец, коснулся лестницы ногами и скинул тугую петлю.

После этого, не долго думая, он пошел по лестнице вниз, чтобы выяснить – не выходит ли она в открытую галерею. Но обошлось, и он уперся в обитую железом дверь, которая, без сомнения, была заперта снаружи на большой замок.

Это Мартину было на руку, поскольку такие замки открывались с изрядным шумом, что в его случае могло предупредить об опасности.

Поднявшись обратно к окну, Мартин завесил его плащом, затем снял с пояса жестянку и, щелкнув кресалом, зажег огарок свечи. Теперь он увидел ту самую дверь, за которой находились сокровища лорда Ширли, в этом не было сомнения, поскольку на ней висело целых три замка и все они были винтовыми, самыми дорогими и сложными для взлома, однако все три оказались одинаковыми.

«Деньги есть, а ума нету», – подумал Мартин и начал раскладывать на ступенях инструменты.

10

Он справился с замками примерно за полчаса, затратив даже меньше времени, чем рассчитывал. Сложив их в угол, он потянул за кованую ручку, и дверь беззвучно открылась – петли были хорошо смазаны, а свет колыхнувшегося пламени упал на уходящие вверх ступени винтовой лестницы.

Подхватив свечу и инструмент, Мартин стал подниматься, но больше дверей на его пути не оказалось, и он пришел напрямик в хранилище – круглое помещение на самом верху башни со стоявшими в нем сундуками.

Мартин подошел к одному из них и, приподняв крышку, увидел тускло блеснувшую сталь. Это были доспехи наместника. Дорогие, с золотой и серебряной отделкой, совсем новые, без единой царапины.

Мартин перешел к соседнему сундуку и заглянул в него, обнаружив огромные запасы серебра, состоящие из старых гинзейских монет шириной в ладонь и чеканных кубков, местами битых и смятых, как видно, бывших чьими-то военными трофеями.

Это была первая сокровищница, в которую Мартину удалось пробраться. Добывать золото и драгоценные камни ему удавалось и раньше, но только из шкафов жилых комнат, хозяева которых ненадолго отлучались или даже спали.

Там тоже было щекотание в ноздрях от риска и легкое волнение, но сокровищница – совсем другое дело! Мартин открывал один сундук за другим, натываясь на стопки старинного фарфора, россыпи нешлифованного янтаря, запасы яшмы и драгоценных эмалевых миниатюр на бронзовом основании.

Было здесь и золото, однако выглядело оно не так эффектно, как другие драгоценности, поскольку монеты были уложены в замшевые мешочки, которые в свете свечи выглядели как крупная картошка. Лишь когда Мартин в нетерпении рассек ножом один из мешочков, оттуда золотым ручейком потекли полновесные терции.

Насмотревшись вдоволь, Мартин стал раздумывать – как, сколько и чего он заберет с собой. Прежде всего – золото. Всего ему не забрать, но три мешочка он бы смог увязать на пояс. Хотя нет, такой тяжести не выдержит никакой пояс.

Мартин взвесил в руке один из мешочков – слишком тяжело. Он решил взять только пару, примерно с тремя тысячами терций, совсем неплохая добыча.

Но не успел он привязать первый мешок к поясу, как ему на голову обрушился удар, от которого он повалился вперед, прямо на распахнутый сундук, успев при этом краем ускользающего сознания подумать, что это Харпер выследил его.

На лестнице послышался топот, и на стенах заплясали тени от света факелов.

– Ну? Что тут?! – спросил старший охранник, расталкивая остальных.

– Ворюга пробрался, – ответил ему один из подчиненных.

– Это ты его приложил?

– Я легонько. Скоро очухается.

– Ключника позвали?

– Я позвал! – сказал от лестницы один из сторожей. – Он едва с койки не свалился – испугался очень!

– Ну и где он?

– Вроде идет... Пыхтит внизу где-то.

– Ладно, берите этого и вытаскивайте... Чего набежали? И смотрите не суньте чего в карманы, а ты, Рурт, – обыщи всех внизу!

– А почему я?

– Потому, что я так сказал! Еще поговорить хочешь или сразу в морду?

– Ладно, понял.

– Не ладно, а так точно, господин сержант!

– Так точно, господин сержант, – выдавил из себя Рурт. С сержантом в отставке Гроунфельдом лучше было не спорить.

Позвякивая ключами, в ночном колпаке и рубашке, в башмаках на босу ногу, появился ключник домовладения – господин Клапс. Фонарь в его руке дрожал от волнения, и он то и дело повторял:

– Ох напасть-то какая! Ох напасть!..

Когда мимо проносили пойманного вора, он остановил охранников и посветил в лицо злоумышленнику.

– Ох злодей! Ох злодей какой!.. – произнес он и продолжил подъем, пока не очутился в хранилище, где его ждал сержант в отставке Гроунфельд.

– Ну как здоровище, господин Клапс? – прохрипел сержант.

– О чем ты говоришь, Манфред, разве не видишь, напасть какая?!

Ключник открыл стекло светильника, прибавил фитиль и затем взгромоздил фонарь на специальную полку.

– Подумать только, столько лет ни одного воришки даже на конюшне, а тут на казну замахнулись! – произнес он срывающимся голосом. – На казну!

На лестнице снова слышались шаги – неторопливые и решительные.

– Его светлость идут, – пролепетал ключник и вздрогнул всем телом, отчего его ключи снова звякнули.

На лестнице появился лорд Ширли в сопровождении гротескного Лейбница и слуги с двумя фонарями.

Лорд был облачен в шелковый халат, обут в охотничьи сапоги, а в руках держал большой кинжал в ножнах.

– Что здесь случилось? – спросил он, останавливаясь напротив распахнутых сундуков.

– Злодея взяли на месте, ваше сиятельство! Вдарили по башке, так что сразу повалился! – доложил ключник, хотя спрашивали не его.

– На посту дежурили Рурт и Бонси, ваша светлость! – доложил сержант. – Когда упал тревожный мешок, Бонси побежал извещать остальных, а Рурт поднялся в башню и шарахнул вора дубинкой. Он бывший охотник, может ходить, как кошка.

– Молодец, дашь ему от меня терцию серебром.

– Слушаюсь, ваша светлость! – щелкнул каблуками сержант.

– Где это случилось?

– А вот сюда, ваша светлость, он свалился прямо на крышку сундука!

Сержант подскочил к сундуку и одним движением очертил место, где располагался упавший вор.

– Так, ну все понятно, – сказал лорд. – А вам, Лейбниц, все понятно?

– Все будет понятно только после детального пересчета, – прогундосил гротескный, который страдал хроническим насморком.

В длинном одеянии, то ли ночной рубашке, то ли осеннем камзоле с чужого плеча, он был похож на сумасшедшего, и его взлохмаченные седые волосы лишь усиливали это сходство.

– Хорошо, договаривайтесь тут с Клапсом, а я пойду досыпать, мне еще завтра в Пронсвилль ехать.

– А что прикажете делать со злодеем, ваша светлость? – спросил сержант.

– А что с ним делать?

– Нужно ли проводить дознание или пусть в городской тюрьме проводят?

– Какое дознание, сержант? И так все ясно. И пусть город занимается карманниками с базарной площади, а этого везите в Дарнур, пусть посидит в подвале. Когда вернусь, решим, что с ним сделать.

11

Мартин очнулся в подвале на грязной, слежавшейся соломе. Во рту было сухо, волосы оказались чем-то склеены, а правый глаз едва открывался из-за рассеченной брови.

Под самым потолком имелось окно, затянутое снаружи бычьим пузырем, из чего Мартин сделал вывод, что он где-то за городом – в Лиссабоне все окна давно были стеклянные, даже у городской бедноты. Попадавшего в подвал света хватило, чтобы осмотреться, и Мартин заметил у стены кувшин, в котором оказалась свежая вода, которую, видимо, принесли вместе с бесчувственным пленником.

Немного попив, он почувствовал себя лучше. Попробовал подняться, но сразу оставил эти попытки, поскольку был еще слишком слаб. Мартин лег на грязную солому, постарался расслабиться и закрыл глаза, чтобы вернуть хоть какие-то воспоминания.

Где он? Что с ним произошло и как он здесь очутился?

Все, что он помнил, так это то, что сумел забраться в башню. Помнил, как, пролезая в окно, передвинул на поясе жестянку, чтобы не мешалась. И все, больше никаких воспоминаний.

Но, как бы там ни было, его схватили. Мартин осторожно дотронулся до правой стороны головы и понял, что волосы слиплись от запекшейся крови. Его огрели палкой и притащили сюда. Но кто это сделал, неужели сторожа, ведь он действовал так осторожно?

И еще Харпер. Может, он приложил к этому руку? Но зачем? Теперь его инструмент потерян, и Мартину придется отдавать немалые деньги. Золотом!

Он вздохнул. Только этого ему сейчас не хватало – связываться с Харпером.

Лязгнув засов, и Мартин вернулся к реальности. Какой Харпер, какой инструмент? Он попался охранникам наместника, тут уж не до инструмента.

Дверь открылась, и в подвал вошел бородатый человек в простой рубахе, штанах и рас-топанных башмаках. От него сильно пахло конюшней.

– Живой? – спросил конюх.

– Живой, – ответил Мартин.

– Воды попил?

– Попил.

– Ну тогда пожри...

И он бросил пленнику шматок жирной ветчины, который упал на грязную солому.

– Я... сейчас не хочу... – выдавил из себя Мартин.

– Пожри, другого раза, может, уже не будет. Мне тебя велено вывести отсюда.

– Куда?

– На дознание. Господа сами велели накормить, чтобы от слабости не свалился.

Мартин вздохнул, потом дотянулся до ветчины и, обобрав с нее налипшую солому, стал есть, поначалу даже не чувствуя вкуса. Но постепенно он стал жевать бодрее и, когда закончил с едой, действительно почувствовал в себе какие-то силы.

– Вязать будешь? – спросил он конюха, поднимаясь на ноги.

– Чего тебя вязать? Тут бежать некуда. Давай выходи, а то уж поди заждались, ругаться станут.

Когда Мартин поравнялся с конюхом, тот остановил его и, оглядев кругом, добавил:

– Оно, конечно, хорошо бы тебя умыть, уж больно страшен ты в таком обличье. А с другой стороны, так даже лучше, на тебя смотреть жальче.

Мартин поднялся на три ступени и вышел в коридор, в котором гулял легкий сквозняк. За поворотом сильно пахло кошками, их следы имелись во всех углах. Поднявшись еще на несколько ступеней, он вышел в широкую галерею, где воздух был посвежее. Но не успел Мар-

тин надышаться, как заметил большую крашеную дверь и, дойдя до нее, остановился, ожидая распоряжений конюха.

– Ну, иди, – сказал тот и вздохнул.

– Иду, – отозвался Мартин и потянул за ручку.

12

Несмотря на теплую погоду, в помещении топились камин, и это было совсем не лишним – камни старого замка всегда оставались холодными.

На потемневших стенах висело несколько выцветших от времени гобеленов, в углу стояло чучело оленя, а неподалеку – кабана и лисы. Видимо, раньше здесь размещался охотничий зал с трофеями. Но это было давно.

Мартина взяли под руки двое охранников и подвели к длинному столу, по центру которого сидел лорд, а по обе стороны от него стояли какие-то люди в казенных и гражданских платьях. Писцы, садовники? Мартин почти ничего не соображал из-за вернувшейся слабости и, как ни странно, от ощущения сытости после ветчины. Его отчаянно клонило ко сну.

Поставив пленника перед столом, охранники отступили на шаг.

– Кто ты таков, назови себя? – пророкотал лорд, и Мартин с трудом навел на него резкость – с правой стороны поле зрения закрывала красноватая пелена.

– Меня зовут Мартин.

– А фамилия у тебя имеется? Какого ты роду-племени?

– У воров нет фамилий, – пожал плечами Мартин. – Только клички.

– Значит, ты признаешь, что вор?

– Как не признать, меня же схватили... – Мартин вздохнул. – В башне.

Ему этот разговор казался бессмысленным. Скорее уж пусть ведут к судье и все такое прочее. Он не раз слышал об этой карусели и не исключал, что когда-то и сам через нее пройдет – не могло же ему всегда везти?

Пусть везут, пусть запирают. В этом даже имелись свои плюсы, он мог повидать множество дружков, которые уже давно тянули ляжку.

– Ты знаешь, кто я такой? – снова пророкотал лорд.

– Лорд Ширли, королевский наместник.

– И зная, что это дом наместника, ты тем не менее посмел вломиться в него?

Лорд улыбнулся и недоумевающе покачал головой.

– Воры об этом не думают, ваша светлость, нас интересует добыча.

– Ну что же, ты не проявил уважения к королевскому наместнику и сам в этом признался.

А значит – не взыщи.

Лорд Ширли поднялся во весь свой немалый рост, поправил берет с пером и громко объявил:

– Мартин без роду и племени, тебя повесят во дворе на твоей же воровской веревке, и этот приговор будет приведен в исполнение немедленно! Выводите его!..

Мартин не успел даже удивиться. Как? За что? Его же нужно отвести к городскому судье – так положено! Но охранники уже заломили ему руки, мигом стянули кожаным шнурком и потащили Мартина к выходу.

– Но как же так?.. Что же это?.. – лепетал он, и бессвязные мысли металась в его голове.

Уже во дворе Мартин замолчал, увидев посреди двора разборную виселицу, а перед ней дощатые мостки для зрителей.

На первых, лучших местах восседали члены семьи лорда, его супруга – благородная Фангисса фон Хольн, сын Адольф и тетка по материнской линии старая графиня из Голфгарта.

Позади них размещались старшие служащие из департамента наместника, богатые арендаторы с его обширных земель, старосты деревень с напomaженными волосами и в начищенных по такому случаю башмаках.

А на помосте ожидал палач – обычный мужик, может, чуть более угрюмый, чем другие. На нем не было никаких красных нарядов, только старый охотничий костюм, должно быть, доставшийся ему от кого-то из загонщиков.

Мартин взошел по скрипучим ступеням, и охранники поднялись вместе с ним, на тот случай, если он вздумает сопротивляться. Но Мартин даже не собирался, им овладела апатия – пусть делают что хотят.

Вспомнилась Гретта, горничная купца Балтера. Мартин как-то забрался к нему в дом, пока Балтер с семьей ездили к морю. Он незаметно пролез в окно, удачно миновав старого седого сторожа, и уже надеялся на богатую добычу, когда вдруг столкнулся с девушкой.

Она не сразу поняла, кто он, но, даже разобравшись, не запаниковала. В тот раз они расстались почти влюбленными и потом встречались целый год.

Мартин носил ей ворованные побрякушки и золотые монеты, а она принимала это, как само собой разумеющееся. Потом они проводили ночь во флигеле для слуг, где у Гретты имелась собственная комната.

Утром Мартин незаметно выскальзывал в окно, и никто об их романе не догадывался. Неизвестно, сколько бы это еще длилось и чем закончилось, но вездесущая воровская братва как-то заметила Гретту в обществе ее хозяина в одной из загородных гостиниц.

Девушка была разодета под госпожу и провела с хозяином на отдыхе трое суток. Но не успел Мартин что-то предпринять, как-то объясниться с Греттой, как услышал, что она сбежала от хозяина с молодым приказчиком, который не забыл прихватить часть хозяйской выручки.

Вот так все и закончилось, а ведь Мартин составлял планы на будущее. Гретта ему очень нравилась, хотя позже, вспоминая ее, он находил в ней черты, которые указывали на ее жадность и коварство. Она брала золото у Мартина, она брала подарки у хозяина, а сбежала с приказчиком, и неизвестно, что с этим беднягой стало, но украденную казну она точно держала у себя.

Горькая улыбка тронула разбитые губы Мартина, когда его вывели на помост, но эта улыбка все еще относилась к воспоминаниям о Гретте.

Палач накинул петлю и несильно затянул, а Мартин отстраненно подумал, что это действительно его веревка.

Публика замерла, а палач взялся за рычаг, ожидая команды лорда.

– Смотри, Альдольф, вот так совершается правосудие!.. – сказал лорд своему сыну, и Мартин вспомнил, что раньше видел этого мальчишку. Пару месяцев назад тот пускал в заливе кораблики, с ним была няня и двое слуг-охранников. Потом ветер посвежел и волны стали загонять маленький парусник под деревянный настил. Казалось, никто уже не мог помочь плачущему ребенку, но проходивший мимо Мартин поднял неприбитую доску и спас парусник.

Вот откуда он помнил ребенка, только тогда тот был счастлив, а теперь выглядел перепуганным. Неужели обязательно было тащить его сюда?

Лорд махнул рукой, и палач дернул рычаг.

13

Помост сложился, и Мартин должен был повиснуть в петле, но веревка с треском лопнула, и он свалился на мостовую с обрывком на шее. Публика повскакивала с мест и дружно выдохнула, а лорд снова взмахнул рукой и закричал:

– Подайте новую веревку! Немедленно!..

Слуги бросились за веревкой, гости зашушукались, и посреди этого смятения раздался голос мальчика:

– Но веревка оборвалась, папенька, этот человек заслуживает помилования!

– Что ты говоришь, Адольф? Это же вор! Злодей! Его нужно вздернуть в любом случае!..

– Нет, папенька... – Адольф поднялся. – Это уже будет не правосудие, это будет убийство.

Лорд Ширли тоже поднялся и одернул мундир. Мальчик был прав, хотя, возможно, вел себя слишком дерзко. Впрочем, для отучения детей от дерзости существовали розги, но это потом, а сейчас он, главный человек провинции, должен был принять решение. Мудрое и справедливое.

– Хорошо, Адольф, я соглашусь с тобой, хотя ты еще мал. Мы будем держаться обычаев наших предков, поэтому я повелеваю... Я повелеваю отправить злодея в тюрьму и держать его там бессечно!..

Все сразу зааплодировали, стали выкрикивать имя лорда и прославлять его мудрость. А охранники подняли Мартина, находившегося в полубморочном состоянии, и потащили прочь со двора, в сторону вздымающейся серым гигантом старой крепости, которая уже двести лет использовалась как собственная тюрьма семейства Моринджеров.

Со связанными руками Мартина бросили на телегу, и она покатила по подновленной, мощеной дороге. Мартин с трудом осознавал, что он все еще жив. Он чувствовал боль во всем теле и слышал будто только что произнесенную фразу: «Это уже будет не правосудие, это будет убийство!»

Мартин ненадолго лишился чувств, а когда очнулся, телега въезжала во двор замка, который с телеги казался глубоким колодцем.

Лязгнули тяжелые засовы ворот, и сразу куда-то исчез ветер, прекратилось движение воздуха, померк свет. Пленника сдернули с телеги, и он едва не упал, в последний момент его подхватил здешний смотритель.

– Поосторожней с арестантом, рыло! – выругался он, развязывая ремень на руках Мартина.

– А чего ты о нем так печешься? Это же злодей! – возразил охранник, который хотел сбросить Мартина на мостовую.

– Это теперь арестант, за которым я должен приглядывать и за которого несу ответственность перед его светлостью, понял, морда ты коровья?!

Охранник промолчал, старший смотритель был повыше чином, да и здоровее. Одни кулаки чего стоили.

– Штырц! Принимай свеженького! – крикнул надзиратель и дохнул на Мартина едким табаком. – Штырц, где ты там?

– Здесь я, здесь, господин Моккли! – отозвался тюремный писарь, сбегая по ступенькам своей будки. За ним, тяжело переваливаясь, словно медведь, вышел еще один надзиратель. Он что-то торопливо жевал, от чего двигались его уши и брови. Он волок кандалы с замком, и Мартин подумал, что мог бы легко открыть такой замок любым гвоздем. Вот только стены здесь были такие, что одним гвоздем не управиться.

– Руки давай... Сюда просовывай... – продолжая жевать, приказал надзиратель.

Мартин послушно подставил руки, и планка закрылась. Затем надзиратель со скрипом провернул ключ, что привлекло внимание главного надзирателя.

– А ты чего, морда коровья, замки не смазываешь?! Сожрал все масло?!

– Никак нет, – пряча глаза, пробубнил тот.

– Все, ведите его! – махнул рукой старший надзиратель, и его подчиненный потащил Мартина на цепи.

– А как записывать, господин Моккли? – спросил писарь.

– Запиши как-нибудь, потом поправим.

– Слушаюсь, господин Моккли! – подобострастно вытянулся писарь и шмыгнул носом, а старший надзиратель пошел прочь, у него еще было много работы.

– Так как твое имя-прозвище? – забегаая перед Мартином, спросил Штырц.

– Не суетись, – пробубнил надзиратель, державший конец цепи от кандалов.

Штырц поотстал, и у Мартина перестала кружиться голова. Он наконец полностью почувствовал руки, до этого сильно перетянутые ремнями.

14

Запись прошла быстро, хватило одного имени. Потом жующий надзиратель поволок Мартина по лестнице, и тот сбился со счета, преодолевая темные лестничные пролеты. Наконец они вышли в коридор и двинулись вдоль грубо сложенных стен, вдоль которых была рассыпана труха от сгнившей соломы.

Должно быть, ее здесь никто не убирал или делали это очень редко.

В темных и глубоких стенных проемах едва различались двери, но были за ними узники или темницы оставались пустыми, было неизвестно. Кроме шума шагов и позвякивания цепи, на которой вели Мартина, никаких других звуков слышно не было. Света в коридоре не хватало, и попадал он сюда сквозь узкие оконца, больше похожие на бойницы. Скорее всего, это они и были, а тюрьму сделали уже позже, разгородив пространство кладкой из колотого камня.

Кое-где на стенах угадывались держак для факелов, но они были пусты, масло и смолу здесь экономили.

По мере приближения к концу коридора становилось светлее, и вскоре Мартин с надзирателем вышли в некое подобие холла, где за деревянным столом сидел еще один надзиратель – маленький и щуплый, похожий на писаря Штырца.

Заслышав шум, он вышел из-за стола и, подняв повыше масляный фонарь, пошел гостям навстречу.

– Привет, Борц!.. – с деланным радушием поздоровался приведший Мартина надзиратель.

– Привет, Долбунтин, – отозвался тот и посветил на избитое лицо Мартина.

– Мы же договорились, что ты зовешь меня просто Дилмо, по-дружески.

– Как долг отдашь, так будешь Дилмо, а пока ты мне никто.

– Да чего там этого долга, Борц? Десять денимов!

– Долг есть долг. Проиграл – отдавай, не можешь, не маячь тут.

– Я только по службе.

– Ну и вали. Я арестанта принял, ты – отдал.

С этими словами Борц выхватил конец цепи у Долбунтина и потащил Мартина к темной нише в стене, где располагался вход в темницу, а сопровождавший пошел прочь.

Распахнув тяжелую скрипучую дверь, Борц подождал, когда Мартин войдет внутрь, и потом с помощью своего ключа снял с него кандалы и замок.

– Осматривайся, парень, – сказал он и, захлопнув дверь, с трудом задвинул заржавевший засов.

Мартин последовал этому совету, ему больше ничего не оставалось.

В просторной камере, примерно семь на восемь шагов, под самым потолком имелось сквозное окно, света от которого было больше, чем в коридоре у Борца, да и воздуха тоже. Правда, зимой здесь наверняка было холодно, а из утепления имелась лишь прелая солома вдоль стены, давно превратившаяся в труху.

Еще из удобств имелась дыра в дальнем углу и тянувшаяся через все помещение деревянная балка с кольцами, на которых когда-то подвешивали узников, чтобы выбивать подробности какого-нибудь заговора.

Дверь снова загрохотала, но на этот раз в ней открылось лишь небольшое окошко.

– Принимай суп, парень!

Мартин подошел к двери и взял кувшин с отбитой рукояткой, в котором была вода. Она давно протухла и имела болотный запах, но другую здесь вряд ли подавали.

– Спасибо.

– С новосельем!.. – поздравил его Борц и засмеялся.

– Да уж, – вздохнул Мартин.

- Тебя за что так отделали? Морда как старый башмак!
- Я не помню, как били, сначала дали по голове, а дальше не помню.
- Но было ведь за что, парень, просто так мордой по стене не возят и в Угол не запирают. Ты злодей? Убивал, грабил?
- Вор, – коротко ответил Мартин.
- Во-о-ор? – протянул Борц и понимающе кивнул. – У моего соседа в прошлый праздник на базаре кошелек сперли. Может быть, даже ты.
- Нет, в этот раз не я.
- Неважно. По-хорошему, всех вас надо взять да перевешать.
- Было уже, – грустно улыбнулся Мартин, но его улыбка вышла кривой.
- Что значит было?
- Сегодня вешали, да веревка оборвалась.
- Правда?
- Борц снял форменный картуз и почесал макушку.
- Повезло тебе, парень.
- Ну, если можно так сказать, – пожал плечами Мартин и, не удержавшись, обвел взглядом свое узилище. – А что, подолгу у вас тут сидят?
- Не всегда. До тебя тут один три года протянул. И все. От воды задристал, но он еще долго продержался, другие и того не выдерживали.
- И все из-за воды?
- Нет, к воде многие привыкают. А вот зиму пережить трудновато. Холодно здесь, отопления нету.
- А как же вы?
- Мы угли в ведерке приносим. Поставишь под стол, и вроде ничего. А вот арестантам худо приходится.
- Ну, а те, кто не помирает от воды и холода, подолгу сидят? – осторожно осведомился Мартин, все еще лелея какую-то надежду.
- Не то чтобы долго, но – бессрочно. У нас в Углу других не держат. Угол – это Угол.
- А как насчет соломы, господин Борц?
- Я тебе не Борц, я друзьям Борц. Долбундину и прочим – Беренцборц, а тебе – господин надзиратель. Понял, крыса тюремная?
- Очень даже понял, господин надзиратель, – ответил Мартин, верно выбирая тон.
- Молодец. Тогда первый совет – если будешь пить воду как есть, по осени тебя закопаем.
- А как же быть?
- Совет второй – поссы в нее, и пусть постоит полдня. Как даст осадок, можно пить. При такой воде полгода запросто вытянешь. Есть другой способ – для брезгливых. Просто взбивать палочкой – я тебе принесу, если захочешь. Когда гнилую воду долго взбиваешь, они пеной отходит и тоже дает осадок. И тоже полгода протянешь по-любому.
- А как же тот, который три года прожил?
- Молодец, арестант! – расплылся в улыбке Борц. – Все-то вы, ворюги, примечаете. Так вот, тот бросал в кувшин камешки. Вон от той стенки небольшие отламывал и бросал. Говорил, будто они гадость опрелую из воды вытягивают, вроде даже вкус меняется. Сам-то я не пробовал, поэтому только с его слов и передаю.
- Спасибо за совет, господин надзиратель. Этот способ лучше других будет.
- Я тоже так думаю.
- Так как насчет соломы?
- Солому меняют раз в год осенью.
- Так ее здесь, считай, совсем нет, – указал рукой Мартин.

– Ну как же нет? Там она, у стенки. Ты ее в кучку собери, и будет тебе подушка. До осени и так дотянешь, одежду-то на тебе оставили, а других, бывает, в одних усах и бороде притаскивают, да еще крепко битыми. Так что тебе, считай, очень даже повезло. Соломы нет, зато и блох в ней не имеется. На южной стороне камеры потеплее, так там блохи арестантов до смерти заедают.

– А почему блох нету?

– Так ведь – свежо! Сам разве не чувствуешь? А зимой еще как свежо, все блохи разом вымерзают, сколько ни заводи. Вот так-то.

Видно было, что надзиратель соскучился по общению, и Мартин подумал, что он тут на этаже единственный узник.

– Здесь, наверное, мало арестантов, господин надзиратель?

– Почему же мало? С тобой пятнадцать будет.

– Стало быть, есть с кем поговорить?

– Да о чем говорить-то? Это ты пока свежий да здоровый говорить будешь, а потом... – надзиратель махнул рукой. – Ладно, располагайся пока. Привыкай. Сегодня жратвы тебе не будет, ты пока сам по себе, а уже завтра получишь баланду.

– На завтрак? – спросил наивный Мартин.

– На завтрак, обед и ужин. Здесь один раз кормят.

15

Прошел год, в котором у Мартина случилось мало чего хорошего.

Кое-как он освоился с местной водой, научившись улучшать ее с помощью камешков, и это работало, хотя первые три месяца его мучил понос.

Он научился, не морщась, есть баланду, которая часто напоминала вкусом воду от вымоченных старых ботинок. Правда, в ней было достаточно соли и обязательно лежал кусок хряща или жилы, и их можно было пожевать, размяв зубы. Однако основным калорийным блюдом был кусок хлеба – обычного крестьянского с добавлением проса. Его Мартин растягивал на весь день, создавая, таким образом, иллюзию трехразового питания.

Кое-что подбрасывал надзиратель Беренцборц, с которым Мартин научился ладить. Это оказалось совсем несложно, нужно было лишь вызвать его на разговор и слушать.

Надзиратель рассказывал о своем детстве, о жене и двух детях. Об этой службе, которая прямиком вела к ревматизму. А еще он принес Мартину свежей соломы – значительно раньше осени. И это было очень кстати, поскольку от холодного пола понос, вызванный гнилой водой, только усиливался. А так Мартин связал себе матрас, а потом даже крышку для отхожей ямы, и в его узилище появился какой-то уют.

А уж когда он связал из соломы ставню, которой, если забраться на балку, можно было закрыть окно, он почувствовал себя по-настоящему готовым к зиме и благополучно ее пережил, хотя несколько раз по утрам находил в кувшине кристаллики льда.

По совету того же Борца Мартин стал приучать себя цепляться за балку руками или ногами, выдумывая разные упражнения.

– Тебе надо разгонять кровь, парень. Так ты протянешь дольше.

– Ты всем даешь этот совет?

– Всем.

– И что, помогает?

– Не знаю. Если фильтровать воду кто-то пытается, то лезть на балку не хотят, поэтому мы их тут быстро выносим.

После того, как отношения Мартина с Борцем более-менее наладились, надзиратель стал интересоваться жизнью арестанта, выяснять, как он дошел до такой жизни. А когда Мартин начинал рассказывать, увлеченно его слушал, опершись подбородком в сложенные в раздаточном окошке руки.

Одним словом, к концу своего годичного пребывания Мартин уже хорошо ориентировался в тюремной обстановке, знал, сколько в замке этажей, примерное количество узников и количество лет, которое они здесь выдерживали. Перспективы были безрадостными, и он часто думал о побеге. Однако как тут сбежишь, если через единственное окошко можно выбраться только на отвесную стену на высоте пятого этажа. В Лиссабоне даже доходные дома не были такими высокими – только три этажа и чердак.

Вырваться через дверь ему тоже не светило, поскольку ее не открывали, пока не пришло время выносить узника вперед ногами. Но даже это не торопились делать сразу, случалось, тело валялось на соломе несколько дней, пока находили возможность его унести.

И все же, как и любого узника, мысли о побеге не покидали Мартина, и надзиратель Борц прекрасно это понимал, ведь он служил здесь более десяти лет.

– Смирись, парень, тоска изводит не хуже холеры. Цепляйся за балку, пересчитывай солому на полу, заготавливай для кувшина камешки. Ищи себе дело, и все будет в порядке, ведь снаружи жизнь не намного лучше.

– Снаружи воля.

– Воля – неволя. Пока ты молодой и холостой, тогда воля, а вот когда семейный да с детьми...

16

Это было что-то вроде дня рождения. День в день, когда Мартина, год назад, притащили на этаж и назначили жить в узилище, Борц принес ему белую тряпицу – слишком белую для его теперешнего мира, поскольку его нательное белье уже напоминало пропитанную маслом бумагу.

– Что это? – спросил Мартин, принимая небольшой сверток.

– Подарок, парень. Ты провел здесь год, а это, поверь, немало. Ты доказал, что можешь выживать.

– И что?

– А то, что десны у тебя уже кровоточат и только молодость еще удерживает тебя на этом свете. Размотай платок и посмотри.

Мартин размотал и увидел какую-то то ли кору от дерева, то ли кусок грязи.

– Ты издеваешься надо мной, Борц? – воскликнул он в отчаянии.

Приближение годовщины сидения в застенке нервировало его. Она казалась каким-то страшным рубежом его окончательного падения. Что здесь годы? Что здесь жизненный опыт и воровское мастерство?

– Прекрати истерику, парень. То, что я тебе принес, дорогого стоит. Это мох-багровник, который может расти на камнях. Все, что ему нужно, лишь пара капель воды каждый день, а взамен он даст тебе жизнь.

– Я... не понимаю, Борц.

– Вся северная сторона у тебя сырая, прилепи к ней этот кусок мха, и он разрастется. А раз в три дня ты будешь отламывать по кусочку величиной с ноготь и съедать его, отчего у тебя перестанут кровоточить десны и ты проживешь еще лет пять.

– А... Вон оно что... – произнес слегка озадаченный Мартин. Борода и усы, отросшие за год, мешали ему говорить, хотя и прежде он брился довольно редко.

– Я принес тебе приборы и мыло, ты побреешься.

– Спасибо, Борц. А постричься?

– Сначала побрейся, а потом принесу ножницы. Спешить нам некуда, ведь так?

– Так, приятель, – согласился Мартин и улыбнулся.

Мох он попробовал в этот же день, и тот оказался горьким, однако Борц успел предупредить об этом.

– Раньше у нас ягод не собирали и репу в бочках не квасили, поэтому к весне у всех кровоточили десны. Потом кто-то прознал про этот мох, и его стали присаживать в подвалах и погребах. У тех, кто его ел, все было в порядке, поэтому зиму переживали легко, а летом снова были ягоды и щавель.

Мох прижился уже через сутки. Сырая холодная стена ему понравилась, и он стал разрастаться, а через две недели после употребления этого горького лекарства десны у Джека зажили. Еще через неделю они настолько окрепли, что он стал без боли жевать жилы и хрящи, которыми его снабжала тюремная кухня.

Продолжая следовать советам Борца, Мартин по три раза в день подпрыгивал и хватался за деревянную балку, чтобы подтягиваться на руках. В день выходило по сорок подтягиваний, и Мартин заметил, что эти упражнения на какое-то время заставляли его смириться с его состоянием и не чувствовать этой изнуряющей тоски.

– Молодец, – говорил ему Борц. – А другие считают надзирателя своим главным врагом.

– Дураки, – сказал Мартин, хотя все еще испытывал к Борцу остаточное чувство неприязни.

17

Минуло семь лет, таких однообразных и таких не похожих друг на друга. В них были и моменты прозрения, когда Мартину вдруг казалось, что он полностью соединился с тюремной жизнью и не желает ничего другого, и минуты отчаяния, когда хотелось удавить мерзкого гада Борца, и... и что делать потом, Мартин не знал. Хотелось лишь выместить на ком-то постоянно копившуюся обиду. Он даже не был уверен, попытается ли бежать, расправившись с надзирателем.

Все чувства были так перемешаны, что нельзя было определить, где же начало прозрений и отчаяний, в чем их смысл.

Все это было, но все прошло. Борц поседел и обрюзг от сидячей работы. Его дочь вышла замуж и подарила ему двух внуков, а младший сын поступил на службу к лорду в охотничью команду и уже думал о возможности перейти из загонщиков в солайдеры.

– Я смотрю на них и не понимаю, дети ли они мне или кто? – делился впечатлениями Борц. – Они говорят – «деда». И все, понимаешь? Слов-то у них не больно много.

Мартин его слушал и кивал. Это была другая жизнь, иные люди, другой воздух, которым они дышали, однако он чувствовал к ним какую-то сопричастность, даже, если угодно, он осознавал себя частью семьи надзирателя, ведь никаких иных сведений о внешнем мире он не получал, кроме как через восприятие надзирателя Беренцборца.

– Может, наплевать на этого сокольничьего Гогеля, Борц? Ну кто он такой? Пусть твой парень немного потерпит, побегаёт по снегу, зато по весне, когда Гогелю работы не будет, покажет работу борзых, как положено, тут его уже никто не обойдет.

– А ведь ты прав, Мартин, экая воровская химера! Прав трижды, так тебя и эдак! Завтра же ему втолкую, а то он уперся как баран – пойду на поклон к лорду.

К слову, предложенное Мартином дело состоялось, и сын Борца, Тегель, получил хорошее повышение. По такому случаю Борц подал в окошко стопочку виноградной перегонки, и Мартин с удовольствием ее выпил, хотя в прежние времена больше обходился пивом.

– Ну и как тебе, дружок?

– Ай, хорошо... – признался Мартин, погружаясь в мир без проблем и переживаний. Там они с Борцем были как братья и бродили по дивному саду, обнявшись и глаза на восходящий восток.

За седьмым годом пришел восьмой, время большого испытания для Мартина. Лорд Ширли ни с того ни с сего вдруг вспомнил об узнике и решил прийти с инспекцией, дескать, почему тот так зажился: или кормят хорошо, или жизнь в заточении так уж мила оказалась?

Не ожидая от такого визита ничего хорошего, Мартин и Борц стали готовиться. Мартин прикинул, как ему лечь и где, и какие издавать стоны, чтобы убажить слух его светлости, а Борц принес грязного тряпья, отвоеванного в будке своей собаки.

– Пальцы, сука, покусала! Ну никакого понятия у животного!.. – жаловался он, пропихивая в окошко блохастое тряпье. – И ведь не просто так забрал, поменял на кацавейную накидку тещи! Чистый волиандр, пуговицы – алмаз, даже глаза режет!..

Все было готово к визиту, но его светлость медлил и, вопреки ожиданиям, появился лишь спустя неделю после намеченного срока.

За лордом тянулась колонна прихлебателей из полусотни человек, которые разом остановились, едва их господин достиг сумрачного холла, где ежедневно с восьми утра до восьми вечера обитал страдавший болью в коленях надзиратель Луи Беренцборц из деревни Карсатмуил.

– Премного благодарен за ваш визит, ваше многопиршттвующее сиятельство! – пролаял Борц, выдумав заумный титул для самого главного хозяина.

– Я не все понял из твоего приветствия, солдат, но вижу, что ты рад, – милостиво ответил лорд Ширли. – Где твой живучий пленник? Показывай!..

– Сохнет он, ваше сиятельство! Который день стонет, должно, скоро окочурится!..

– Да ну?

– Так точно, ваша светлость! – заверил Борц и даже попытался щелкнуть каблуком, однако не вышло из-за мягкости гражданских башмаков.

– Где он? – спросил лорд, и Борц указал место заточения узника, а затем распахнул раздаточное окошко.

– Ага, вот оно, теплое местечко...

Лорд ожидал увидеть в темнице упитанного человека, деревянную добротную кровать, окно с занавесками, но увиденное было намного проще и страшнее. Забросанный тряпьем, в углу тяжело дышал заключенный, должно быть, переживая свои последние часы.

– И что же, давно он так? – спросил лорд Ширли.

– Пятый день, и с каждым днем все хуже. Врагу бы не пожелал, ваша светлость, – отчеканил Борц и даже сам удивился той безупречной игре, в которую оказался втянут.

18

Прошло двадцать лет. Двадцать длинных, безумных, однообразных лет. С разными зимами, с холодными летами и дождливой осенью. А еще с ранней весной, поздней весной – в-прошлом-году-было-лучше и еще по-всякому. И однажды июльским утром Мартин увидел в раздаточном окне какую-то рожу.

– Ты кто такой?! – воскликнул он, удивляясь такой неожиданной перемене.

– Не шибко ори тут... – недовольно пробурчала морда, и только теперь Мартин смог разглядеть оливковую кожу и резкие рубленые черты монгийца.

– Да что ты тут делаешь? – не удержался он.

– Служу, чего еще мне тут делать?! – в свою очередь удивился монгиец.

– А где Борц, что с ним случилось?

– Не знаю я никакого Борца, меня из похоронной команды направили, сказали, будет новая служба.

– А Борц?

– Да кто такой этот Борц?

– Но ты же пришел на его место!..

– Не знаю ничего. Мне сказали: иди и будешь там служить, даже обеда не выдали. У тебя, кстати, ничего пожрать не найдется?

Монгиец просунул голову в раздаточное окно и так взглянул на Мартина, словно прикидывал, какую руку или ногу у него сожрать.

– Я же арестант, какая у меня тут жратва?! – в отчаянии воскликнул он, все еще не веря, что уже не увидится с Борцем, с которым провел вместе столько лет и практически стал частью его семьи.

Даже внуки надзирателя знали о Мартине и передавали ему приветы, а его жена каждый год отправляла подарки.

Они ни разу его не видели, но много о нем знали, как о родственнике или хорошем соседе, который живет неподалеку. И вот весь этот мир разом рухнул, оставив только эту морду с голодным блеском в глазах.

– Ты вообще кто? Как тебя звать?

– Я Рунхо, и я думал, что эта служба получше будет.

– Но где Борц, где твой предшественник?

– Ты что, тупой?! – рявкнул монгиец. – Я же тебе сказал – я из похоронной команды и знать не знаю, где тут какой-то Борц!..

– Ладно, Рунхо, забыли. Давай знакомиться, – предложил Мартин, поняв, что условия изменились и к ним нужно приспосабливаться заново.

– Давай, – вздохнул новый надзиратель. – Но пожрать у тебя все равно нет. Как, ты говоришь, тебя зовут?

– Мартин.

– Ну ничего, нормальная фамилия. Давно сидишь?

– Двадцать лет.

– Да? – удивился Рунхо. – А мне говорили, здесь больше трех лет никто не выдерживает.

– Ну вот, так вышло, – пожал плечами Мартин.

– Да-а, – покачал головой Рунхо. – А пожрать-то, значит, нету, а у меня брюхо с утра подводит.

– Сухарик есть один. Маленький.

– Правда? – оживился Рунхо. – Давай!..

Мартин принес небольшой кусок засохшего хлеба, который оставил себе на ужин, и Рунхо с удовольствием его проглотил, казалось, даже не прожевав.

– А попить есть что?

– Так у тебя возле стены бочка стоит, только в ней вода гнилая...

– А, точно.

Рунхо отошел от раздаточного окошка, оставив его открытым, что делать категорически запрещалось. Вылезти через него ни один узник не мог, но правила есть правила, и когда Рунхо вернулся, отдуваясь и рыгая после гнилой воды, Мартин ему сказал:

– Ты должен закрывать окошко, когда отходишь от двери. Если старший надзиратель увидит, тебя выгонят.

– Ха! Да куда они выгонят, снова в похоронную команду? Так я там нормально жил, мог весь день дурака валять, когда работы не было. И выпивку можно было достать, и рыбки в озере наловить.

Рунхо вздохнул, должно быть, жалея, что променял одну службу на другую.

– И червивки здесь тоже достать негде. Ведь негде?

– Борц не пил, у него семья.

– А я холостой, пока. Мне с вашими бабами нельзя якшаться, а нашенские далеко, – Рунхо снова вздохнул.

– Ты один приехал?

– Народ понемногу бежит из Ронги, там что ни год – моровое поветрие.

– Ронги далеко, и я слышал, там живут только орки, – заметил Мартин.

– Что ты такое говоришь?! – вскинулся вдруг Рунхо. – Нельзя говорить «орки»! Надо говорить – монгийцы.

– Правда? А я не знал...

– Не знал, теперь знаешь. Меня на рынке в Самотяре однажды заречные едва оглоблями не отходили, и все потому, что я просто сказал «хороший гном», представляешь?

– Значит, и так нельзя говорить? – начал понимать Мартин, почесывая бороду.

– Выходит, нельзя, – согласился Рунхо. – Ну, то есть мы с тобой можем говорить «гном-гном-гном», и ничего страшного, ведь рядом их нет, но если будут, говори просто – заречные.

– Я понял. Но знаешь что, я слышал, как твои земляки между собой называли друг друга этим словом...

– В каком смысле?

– Ну, они камни грузили, понимаешь? И один другому говорил: «Эй, это самое слово, хватит отдыхать, иди работать». А второй ему ответил: «Ладно, это самое слово, иду».

– Это они между собой, а между собой можно.

19

Примерно неделю Рунхо входил в роль надзирателя, и Мартину приходилось обучать его всем премудростям службы.

Заочно через Борца он был знаком со всеми узниками на этаже и все, что знал о них, рассказывал Рунхо: кто как себя ведет, за что сидит и как с ним нужно разговаривать. Инструктаж получался не только подробным, но и художественным, и Рунхо часами простаивал у двери в камеру, с интересом слушая историю про очередного узника.

Однажды он пришел несколько озадаченный и сразу стукнул в раздаточное окошко – это был жест уважения перед более старшим и знающим, ведь Мартин провел в этой тюрьме двадцать лет и, хотя выглядел в своей бороде и длинных космах как старик, мог перебираться по балке через всю камеру на руках, да еще потом «вставал на пальцы» и снова перебирал руками, поражая этим новичка-надзирателя.

– Привет, Рунхо! – отозвался Мартин.

– Привет, Мартин. Слушай, по всему Углу такой переполох поднялся, говорят, старый лорд заболел.

– Заболел? – переспросил Мартин, почесывая бороду.

– Да, говорят, лежит и не поднимается.

– И что же тебя так беспокоит, там ведь еще молодой лорд Адольф имеется. Без наместника край не останется.

– Я не об этом. Как бы не спихнули меня с этого места.

– Тебе же вроде не нравилось поначалу.

– Не нравилось, но ты меня образумил, все растолковал, и теперь я вижу, что такая служба мне по силам. А жалованье здесь побольше дают. И вот, посмотри, какую обновку вчера выдали.

Рунхо отошел от окошка и повернулся кругом, демонстрируя суконный мундир с королевским гербом на плече и короткие сапоги из свиной кожи.

– Видал?

– Хорошая обновка, долго продержится.

– Да, долго. А старую я тебе принесу. Главный ее забрать хотел, но я ее с телеги стащил и в кусты сунул – завтра доставлю, а то твоя дерюжка совсем износилась.

Мартин кивнул. Всю свою одежду он шил сам из принесенных Борцем мешков и парусины. Стирать ее возможности не было, поэтому она просто истиралась на теле.

Весь день до вечера Мартин вспоминал старого лорда – тогда еще крепкого и властного, от которого и получил эту бессрочную путевку в Угол.

Все эти годы Мартин, конечно, не переставал мечтать о воле, но в последнее время уже без прежней яркости картин и боли, которую эти картины приносили.

Проведав всех узников, Рунхо попрощался с Мартином и ушел домой, а тот еще долго лежал на соломе и смотрел в темноту – сегодня ему не спалось. Он не изводил себя пустыми мечтами, не размышлял о своей жизни, половину которой провел в узилище, он просто лежал в темноте, тревожно глядя перед собой и ожидая чего-то – сам не зная чего.

В конце концов ему удалось уснуть, однако тревожное состояние не отпускало даже во сне, где перед Мартином проносились какие-то неясные образы.

20

Утром узников никто специально не будил, обычно их подзывали к моменту раздачи воды, а потом еще раз в обед, когда выдавали единственную чашку баланды и ломоть хлеба.

Мартин поздоровался с Рунхо, принял воду и умылся, привычно пригладив мокрой рукой длинные волосы и бороду, которые он брил раз в три месяца – так было заведено расписанием. И хотя Мартин мог получать бритву чаще, он не делал этого, поскольку иногда старший надзиратель проводил проверки, и если замечалось, что у надсмотрщиков с узниками имелись неформальные взаимоотношения, надсмотрщика могли оштрафовать, а то и выгнать со службы.

– Сегодня у нас беготня, – сообщил Рунхо, привычно пристраиваясь у раздаточного окошка. – Телеги гоняют, двор метут. Должно, будет инспекция.

– А что говорит старший надзиратель Курх?

– Он не говорит, он носится как угорелый и на всех орет. Обозвал меня за винный запах, приказал жевать листья.

– Что, такой сильный запах?

– Не, запах обычный, – отмахнулся Рунхо. – Это мне дружок долг вернул, четыре меры браги, ну мы вместе ее и прикончили. А Курх говорит – листья жуй.

– А какие же листья?

– Я жую вишневые – во!

И Рунхо показал большущий кулак, в котором был зажат целый букет листьев, сорванных вместе с тонкими ветками.

Они поговорили с полчаса, и Рунхо вернулся за надзирательский стол, чтобы подремать, ведь бражку, как оказалось, они пили едва ли не до рассвета.

Мартин привычно собрал пучок соломы и подмел в узилище, потом поупражнялся на деревянной балке, пройдя на руках туда и обратно по двадцать раз – по количеству проведенных тут лет.

Присев на солому отдохнуть, он неожиданно для себя тоже уснул, а проснулся от непонятного шума, который разносился по тюремной галерее.

Зычные команды, звон шпор.

«Что это?!» – спросил себя Мартин, вскакивая.

В дверь ударили, потом снова раздалась команда – или кто-то кого-то распекал?

Наконец с хрустом отошел засов, в дверь снова ударили, и в узилище ворвался старший надзиратель Курх.

Он был при полном параде, в мундире с начищенными до блеска пуговицами и в смазанных салом сапогах. Заскочив, он прижался к стене и замер, как будто его заморозили.

Мартин удивился еще больше. Он стоял, нервно оглаживая бороду, и гадал, кто же появится вслед за старшим надзирателем, ведь дверь была распахнута.

И вот этот гость появился – высокий, стройный дворянин, в сапогах со шпорами, с мечом на поясе и в шляпе с пером.

Его камзол из ленного бархата слева направо украшала перевязь с шитым золотом королевским гербом и гербами двенадцати графств королевства.

Мартин уже понял, кто это, ведь черты молодого дворянина выдавали в нем родственника лорда Ширли.

– Ну что, арестант, узнаешь меня? – спросил дворянин, разглядывая Мартина и его обитель.

– Узнаю, ваша светлость.

– А я тебя – с трудом.

– Прошло много лет, ваша светлость.

– Да, лет прошло немало, но я все еще помню, как ты вызволял из-под пристани мой кораблик.

На лице дворянина появилась кривоватая улыбка, но он тотчас ее погасил.

– Когда-то ты совершил ошибку, и мой отец был на тебя очень зол.

– Я знаю, что вы заступились за меня, ваша светлость, – с поклоном произнес Мартин.

– Да, и получил за это двадцать розг.

– Правда? Я не знал! – поразился Мартин.

– Ничего, это послужило для меня уроком. Для меня двадцать розг, для тебя – твои двадцать лет. Я считаю, что этого тебе более чем достаточно, и дарую тебе свободу, полагая, что ты распорядишься ею правильно.

– Ваша светлость!.. – воскликнул Мартин, прижимая руки к груди.

– Понимаю-понимаю, но не нужно лишних слов.

Лорд Адольф прошелся по узилищу, огляделся и покачал головой.

– Неужели ты провел здесь двадцать лет, не выходя за дверь?

– Так точно, ваше сиятельство. Но я видел небо вон в то окошко. Там часто бывали облака, а изредка мелькали птицы.

– Жуть, – поежился лорд и направился к выходу. Потом еще немного задержался и напомнил: – Ты можешь покинуть эту тюрьму в любой момент, хоть сию минуту, хоть через час.

– Спасибо, ваше сиятельство... Не забуду вашей милости... Не забуду...

Мартин хотел сказать что-то еще, но его душили слезы.

– И это... как вас там? – обратился лорд Адольф к старшему надзирателю.

– Курх, ваша светлость! – рявкнул тот и щелкнул каблуками.

– Найдите ему какую-то одежду, а то его платье совсем худое.

– Слушаюсь, ваша светлость!

21

После ухода лорда дверь в камеру не только не заперли, а лишь чуть прикрыли, оставив большую щель, в которую худощавый узник мог запросто выскользнуть наружу. Но он оставался на месте, не чуя под собой ног и не до конца осознавая, что с ним происходит. Наступило какие-то непонятное безвременье.

Вдруг дверь скрипнула, и в помещение осторожно заглянул Рунхо.

– Мартин, ты как?

Мартин посмотрел на него, вздохнул и сказал:

– Как-то непонятно пока. Можно я за твоим столом на стуле посижу?

– Дык, о чем ты говоришь, иди, конечно. Ты ж двадцать лет ни на чем, кроме соломы, не сидел.

– А и правда, – улыбнулся Мартин и, пригладив бороду, как перед большим и важным делом, подошел к распахнутой надзирателем двери и выглянул в коридор, робея перед таким просторным миром.

– Да ладно, это же всего лишь коридор.

– Я понимаю, Рунхо, и если бы меня переводили в другую камеру, я бы прошел по нему и не удивился, но теперь все иначе, понимаешь?

Надзиратель пожал плечами, он не понимал.

Далеко на лестнице послышался топот, и в коридор выскочил запыхавшийся старший надзиратель в сопровождении одного из своих подчиненных.

Надзиратель нес узелок с едой, а подчиненный – мешок с одеждой.

– Вот, господин Мартин, это от нашей, так сказать, конторы, – со лстивой улыбкой произнес старший надзиратель и поставил узелок на стол. – Ничего особенного, немного хлеба и мяса, но вам нужно привыкать к новой пище – двадцать лет на баланде, это не шутки.

– Спасибо вам, господин Курх, – сказал Мартин.

– Не за что благодарить, господин Мартин, вы здесь у нас старожилом были! Давай, Броун, ставь мешок и пойдем, пусть господин Мартин отдыхает.

Броун поставил мешок возле стола и поклонился Мартину с легкой робостью, как какому-нибудь королевскому прокурору.

– Там и обувь, и из вещей кое-чего. Надеюсь, все придется впору.

Курх с помощником ушли, и Рунхо стал развязывать узелок.

– Они и зелени положили, и кувшинчик с пивом!

– До чего же хорошие люди, – с чувством произнес Мартин.

– Да ты что, серьезно? – уставился на него надзиратель. – Да если бы не визит самого лорда, они бы тебя, когда захотели, в порошок перетерли.

– Я понимаю, Рунхо, но очень хочется верить в такую вот простую доброту.

– Ай, Мартин... – отмахнулся Рунхо и, расставив угощение на столе, вывалил на пол содержимое мешка.

– Как много всего, – слегка растерялся Мартин.

– Просто они навалили все, что нашлось, но вещи добротные, и твой размер вроде имеется. Вот это твой?

Рунхо приложил к Мартину плотные штаны из парусины.

– Вроде.

– А вот целый набор цирюльника! Посмотри!..

Рунхо протянул Мартину кожаную раскладку, наподобие той, в которой держат воровской инструмент, однако здесь были ножницы, бритва и пара расчесок. А еще помазок из свиной щетины и мыльный порошок в круглой костяной коробочке.

– Здорово, – произнес Мартин и невольно провел рукой по бороде. Интересно, откуда они все это взяли?

– Лучше не заморачивайся, – посоветовал Рунхо. – Вот еще мыльный порошок в отдельной банке, а воды у нас полно – ты можешь помыться.

– Но сначала постригусь и побреюсь.

– У вас с этим морока. У нас только у баб прически имеются, а у мужиков, – Рунхо снял форменный картуз и провел по лысой голове ладонью, – полный штиль, как говорят ваши портовые.

– И бриться не надо, – добавил Мартин.

– Да, и это тоже.

На лестнице снова слышались шаги и позвякивание железа.

– О, баланду принесли! Пойду раздавать, а ты пока отдыхай.

Рунхо надел картуз и поспешил к раздатчикам, которые притащили кастрюлю с едой для заключенных.

Мартин опустился на стул и попытался понять – голоден он или нет. И странное дело, он не смог определить это точно, даже вид хлеба и копченого мяса рядом с пучком петрушки и кувшином пива не добавил ему определенности.

Тем временем Рунхо и двое раздатчиков продолжали обходить камеры. Слышался стук падающей крышки раздаточного окошка, потом скребущий звук черпака по дну кастрюли, и очередной узник получал свою баланду.

Потом снова тот же однообразный набор звуков, и в полной тишине заключенный уходил куда-нибудь в угол и там, вытерев о расползавшиеся штаны ложку, приступал к еде.

Мартин впервые видел процесс раздачи снаружи.

22

Ночь Мартин снова провел в своей камере, но уже совсем в другом качестве. Разумеется, он мог бы уйти еще накануне, но боялся, что ноги откажут ему от волнения – это было слишком большим потрясением, и само понимание случившегося пришло к нему только вечером.

Ночью он дважды просыпался, чтобы проверить – не заперта ли дверь, но нет, засов оставался открытым, а на всем этаже, кроме него, не было ни одного вольного человека.

Рано утром, еще до прихода Рунхо, Мартин за его столом еще раз посмотрел на себя, постриженного и выбритого, в небольшое зеркальце из полированной бронзы, которое также находилось среди подарков от главного надзирателя.

Затем было прощание с Рунхо, спуск по осклизлой лестнице со сбитыми ступенями, эхо шагов во дворе-колодце – все осталось позади. Часовой у ворот пожелал Мартину счастливого пути, и тот зашагал прочь от мрачного, возвышавшегося над округой Угла, из которого, как утверждалось, никого еще не выпускали.

До вечера Мартин шагал по дороге в сторону Лиссабона. Потом свернул в лес, поужинал оставшимися хлебом с мясом и, сунув узелок под голову, заночевал под кустом.

Спать в таком месте было непривычно, и Мартин то и дело просыпался, однако вспоминал, где находится, и снова засыпал с улыбкой на лице, под крики ночных птиц и шорохи полевых мышей.

Поднявшись до рассвета, Мартин, поеживаясь, спустился к протекавшему неподалеку ручью, умылся и потом еще долго смотрел, как туман течет поверх быстрой воды.

Все ему было в диковинку, и Мартин видел каждую травинку, каждый листик на дереве, а вот прежде ничего такого не замечал.

Зато кошелёк замечал сразу и даже просто оттопыренный карман. Мог по едва заметному звону определить, какие в карманах жертвы монеты – сколько серебра, сколько меди и есть ли золото.

Мартин вздохнул, ему было неприятно вспоминать о таких вещах, двадцать лет в тюрьме изменили его. Он еще не знал, чем будет зарабатывать на жизнь, но возвращаться к старому ремеслу не собирался.

Уже к полудню он наконец выбрался на старую дорогу до Лиссабона.

Теперь здесь все изменилось – вдоль дороги выросли тополя, а на обочинах, то тут, то там, попадались небольшие кузни и лавочки, в которых торговали заречные.

На дороге стало больше подвод, чем прежде, и временами они двигались нескончаемой вереницей, поднимая белесую пыль. Подводы, запряженные волами, в основном управлялись заречными, а телегами с лошадьми правили люди, реже – монгийцы.

Одну из телег Мартин нагнал – у нее сломалась ось, и на дорогу выпало несколько мешков, но к тому времени, когда он подошел, поломка была исправлена, и Мартину оставалось лишь помочь вознице положить на телегу мешки.

– Спасибо, приятель. Садись, подвезу до Лиссабона, ты ведь туда идешь?

– Почти, – ответил Мартин, запрыгивая на край телеги.

– А я видишь чего – два часа тут прокуковал, вместо того чтобы ехать, – пожаловался возница. – И все из-за них, из-за заречных. Понаехали тут на своих арбах, дороги поразбивали, а мы теперь мучайся.

– Да уж, – согласился Мартин, всем телом ощущая тряску от езды по кочкам. – Раньше их было значительно меньше.

– Так ты местный? – повернулся к нему возница.

– Местный.

– А по виду не скажешь.

- Я долго отсутствовал.
- И сколь же? – приставал любопытный возница.
- Двадцать лет.
- О! Это давнее давнего! Это ты еще застал закон и порядок, а теперь что? Одни только безобразия!..
- Что за безобразия?
- Бандитов и воров развелось – ужас просто! Кошельки срезают, с ножами по улицам шастают – тюрьма переполнена, а их все не убавляется. Третьего дня украли шкатулку с драгоценностями у самого королевского прокурора – куда уж дальше то?
- А у нас в городе теперь есть королевский прокурор?
- Нет, был проездом в Инзи. Вроде сам король его послом отправил, а оно вон как выдалось – прямо в порту и ограбили.

23

Мартин расстался с возницей в пригороде, который был теперь сильно застроен. Новые дома стояли вдоль дороги, рядом с ними росли фруктовые деревья – все выглядело настолько основательно, что Мартину казалось, будто это какой-то другой город.

Однако съезд с дороги на местную, менее избитую, все еще был на месте, и Мартин свернул на нее.

Разговор с возницей утомил его, за много лет он разучился говорить с кем-то, кроме привычных надзирателей. Ближайшей целью Мартина был его старый тайник, в который он складывал излишки от богатой добычи. Другие воры все просаживали, а он всегда думал о том, что запас может когда-то пригодиться.

Идти пришлось вдоль небольших возделанных участков, на которых работали люди и заречные. Прежде здесь были только пустыри, но теперь разросшийся город нуждался в продуктах и все распахали огородники.

Спустившись в меловой овраг, теперь наполовину заваленный мусором, Мартин прошел по нему полмили и, выйдя по натопанной тропинке наверх, увидел сигнальное дерево на прежнем месте.

За двадцать лет могучий дуб почти не изменился, для него это был не срок.

Мартин огляделся и направился к дереву, а подойдя, похлопал его по стволу и обошел кругом.

– Давно не виделись, приятель, – сказал он, и дерево тревожно зашумело листвой.

Сунув руку в узелок, Мартин достал заранее подобранную дощечку и, встав на колени, принялся копать под одним из разошедшихся по земле корневищ.

Это было умно, закопать не под самим деревом, а под корневищем, где никто никогда не станет копать ни при какой нужде. Даже дикие свиньи. Мартин улыбнулся. В свое время он долго раздумывал, какое место выбрать для тайника.

«Молодец, Мартин», – похвалил он себя, замечая каменную пуговицу, к которой был привязал шелковый шнурок. Потянув за него, он без труда вытащил кожаный кошелек, который выглядел слегка скукоженным, из-за того что провел в земле двадцать лет. Мартин встряхнул его и услышал тихий звон золота.

– Ах, какая приятная встреча! – раздался за спиной Мартина хриплый голос. Он резко повернулся и увидел трех человек, вид которых однозначно говорил об их занятии – это были грабители.

Мартин поднялся. Стоящий в центре был сед, его лицо сморщилось от возраста и болезней, но в нем без труда узнавался тот самый Харпер.

– Харпер? – слегка удивленно произнес Мартин.

– А ты, Счастливчик, думал отвертеться от долга? Где мой инструмент?

– Ты знаешь где.

– А еще я знаю, что у тебя в руках кошелёк с моим золотом, я ждал его двадцать долгих лет. Сколько там?

Мартин не ответил, прикидывая, как поступить, но по всему выходило, что сила не на его стороне, к тому же он действительно был должен Харперу.

– Как ты узнал, что я здесь?

– Ты же знаешь меня, Счастливчик, – расплылся в улыбке Харпер, обнажая сильно прореженные зубы, что придавало ему еще более разбойничий вид. – У меня главное – пригляд за всеми. Кто все знает, тому и денежки сами в руки идут.

– У тебя в Угле были сообщники?

– Не то чтобы сообщники, но за две меры пива рассказали, что да как, так что я тебя от самого Угла веду.

– Я ничего не заметил.

– За двадцать лет твое чутье притупилось, такое случается. Помнишь, как ты моего соглашателя обмишулил и пустил по следу Костыля?.. Отличная работа, да. А теперь, Счастливчик, давай сюда денежки, не заставляй моих ребят пускать в дело ножи.

После этих слов Харпера его сообщники достали из-за поясов портовые ножи, которые рубили, как хороший меч. Раньше Мартину приходилось видеть следы такой работы.

Он бросил Харперу кошель, тот его поймал и, присев на корточки, высыпал монеты на расстеленный носовой платок.

– Денежки счет любят, так, Счастливчик? – ухмыльнулся он, не скрывая своей радости при виде золота. Но потом словно позабыл про Мартина, весь поглощенный пересчитыванием добычи, однако оба его солдата не спускали с Мартина глаз.

Наконец подсчет был закончен, Харпер ссыпал золото обратно в кошель и, затянув шнурок, сказал:

– Триста двадцать терциев, Счастливчик. Куш неплохой, но этого все же маловато. Ну-ка, Скрилл, забери у него мешок, слишком много пожиток у этого доходяги.

– Узелок я не отдам, – возразил Мартин и, подняв пожитки, спрятал за спиной.

Один из подручных Харпера ухмыльнулся и, подойдя к Мартину, протянул руку.

– Лучше отдай, а то я тебе здесь закопаю... Ну!.. – прикрикнул он и попытался схватить Мартина за грудки, однако тот перехватил руку громилы и так сжал ее, что послышался треск. Солдат Харпера свалился на землю и принялся орать, а Мартин стоял над ним, продолжая удерживать одной рукой.

– Ладно-ладно! – поднял руки Харпер. – Отпусти его, приятель, считай, что мы в расчете.

Мартин отпустил громилу и сделал шаг назад, чтобы видеть Харпера и его бойцов.

– Еще увидимся, – сказал тот, криво улынувшись, и зашагал в сторону оврага, откуда и появился неожиданно со своими подручными.

Когда они убралась, Мартин порылся в ямке и вытащил еще один кошелек, в котором была медь – денимов сорок. Тогда у него было достаточно золота, и этот кошелек он бросил сюда, чтобы не мешался в кармане. А теперь он пригодился, и это были все его наличные.

Куда теперь идти, что делать? После того, как Мартин потерял золото, его возможности сократились, однако он все еще хотел посмотреть город.

24

Солнце вышло в зенит, крыши домов раскалились, как кузнечная наковальня, однако на узких улицах было прохладно, хотя местами и пахло отхожим местом.

Но помимо этого пахло выпечкой из булочных, подгоревшим жиром из харчевен и канифолью из полировочной мастерской.

Мартин шел по улицам, вдыхал почти забытые запахи, и на лице его сама собой появлялась улыбка. Когда на него начинали коситься прохожие, он спохватывался и придавал лицу обычное выражение, однако через двадцать шагов снова начинал улыбаться, ведь он, как в детстве, заново постигал красоту этого города, яркость его волшебных красок.

Так он дошагал до базарной площади, такой же шумной, как и прежде, правда, лотки, по новой моде, были теперь с навесами из крашеной парусины, и это придавало площади нарядный вид.

Несмотря на жару, народу здесь толкалось много, и Мартин в который раз удивился количеству представителей заречного народа, невысоких и коренастых, которые, против прежних времен, легко разговаривали с местными жителями и даже, случалось, перебрасывались парой слов с рослыми монгийцами, которые хоть и не торговали, но выполняли много погрузочной работы, а также стояли городскими охранниками по всей площади.

И заречные, и монгийцы, те, что не были на службе, одевались теперь как и прочие горожане. Единственное, что их отличало друг от друга, – приземистость одних и огромный рост других, в сочетании с оливково-зеленоватой кожей. И если в прежние времена чужаков провожали взглядами, то теперь на них не обращали внимания даже впечатлительные дети.

– Как же все переменялось, – покачал головой Мартин, пробираясь вдоль рядов и поглядывая на товары.

Теперь тут не было грязных бочек с маслом, его разливали в аккуратные кувшинчики. Над мясными рядами не вились тучи мух и не пахло дохлятиной – везде имелся тающий лед, на котором, поверх подстилки из зеленой травы, лежали куски свежего мяса.

В творог не лазили пальцами, чтобы, облизав их, определить вкус, продавец подавал чистые щепочки. Многое здесь поменялось, и больше в лучшую сторону.

В конце каждого ряда стояли стражники, грозно поглядывая на толпу. На них никто не обращал внимания, хотя вору, по мнению Мартина, работать в такой обстановке было неудобно. Он несколько раз оглядывался, пытаясь на глаз определить бывшего коллег, но ничего такого не замечал. То ли их на площади теперь не было, то ли, как сказал Харпер, – притупилось чутье.

Продолжая удивляться изменениям на рыночной площади, Мартин вышел в гужевой ряд, где стояли повозки – новые и не очень, а также продавались хомуты, седла, стремена и россыпи подков на любую цену.

– Эй ты, подойди сюда! – строго произнес кто-то, и Мартин сразу решил, что обращаются к нему.

Опершись на новую телегу, у стены дома стоял сержант городской стражи и рядом с ним двое монгийцев. Невольно пришла мысль о Харпере с его подручными. Картина была очень похожа.

Мартен подошел и, вежливо поклонившись, сказал:

– Здравия желаю, добрые люди.

– Кто таков?

– Зовут Мартин.

– Где живешь?

– Пока нигде.

– Забирайте его, – вяло махнул рукой сержант и сразу потерял к Мартину интерес, а мон-гийцы его подхватили и потащили с площади в сторону ворот в высоком заборе, за которым, Мартин это помнил, находился двор купеческого дома.

Однажды он даже хотел поучаствовать в налете на этот дом, но по болезни не получилось и, как оказалось, к лучшему. Шайку воров захватили сторожа и переломали им кости, а потом выбросили за городом в овраг, обойдясь без помощи стражников и городского суда.

С тех пор Мартина и стали называть Счастливымчиком.

25

Поскольку многое изменилось, Мартин подумал, что, возможно, во дворе теперь новый околоток. Это было вполне удобно, чтобы пойманных воров и жуликов было недалеко тащить на суд. С этим Мартин был согласен.

Поначалу его предположения как будто оправдывались: за воротами оказались двое часовых с алебардами, а на окнах больше не было богато расшитых занавесок.

Во дворе стояли две кареты, одна пустая с поднятыми оглоблями, а в другую была запряжена четверка вороных лошадей, слишком красивых и породистых для этого городка. На дверце кареты имелся королевский герб, покрашенный в серый тон экипажа, а чуть ниже кандалы и ключ к ним, что определяло принадлежность к тайной канцелярии.

Кучер, широкоплечий детина в сдвинутой набок шляпе, о чем-то беседовал с военным в мундире, державшим на поводке двух здоровых собак, которые дремали, развалившись на прохладной мостовой.

Одна из них прикрыла глаза, покосившись на Мартина, и снова стала дремать, не заинтересовавшись очередным арестантом.

Мартина завели в одну из просторных комнат полуподвального этажа, где из всей обстановки был лишь старый массивный стол и несколько стульев, на которых сидели трое военных в серых мундирах с золотыми орлами на правом плече.

Увидев нового арестанта, они разом поднялись и уставили на Мартина застывшие взгляды, от которых ему сделалось жутковато. Эти люди выглядели как псы, натасканные на травле людей.

– Кто это? Где взяли? – спросил один из военных, выходя вперед и внимательно разглядывая Мартина.

– Подозрительный, господин капитан! С площади!.. – доложил один из монгийцев.

– Хорошо, идите.

– Есть, господин капитан! – воскликнул монгиец, и оба стражника, как показалось Мартину, торопливо выскочили вон, а он остался.

– Итак, кто ты такой?

– Зовут Мартин, господин капитан.

– Почему морда бледная? С каторги сбежал?

– Вышел из тюрьмы, господин капитан.

– Из какой тюрьмы?

– Из Угла.

– Из Угла? – переспросил капитан и обернулся к двум другим офицерам, на лицах которых появились недоверчивые улыбки.

– Так точно, господин капитан. Освободили из Угла по приказу молодого лорда.

– Угол – тюрьма особая, там держат бессрочно. Это личная тюрьма королевского наместника, и арестанты там живут не более трех лет. А сколько пробыл ты?

– Двадцать лет, господин капитан.

– Двадцать лет?

Капитан снова посмотрел в сторону коллег, и те сдержанно засмеялись.

– Я не вру, господин капитан. Мои слова могут подтвердить в самой тюрьме или канцелярии королевского наместника. Они записывают каждое его распоряжение.

– Ты двадцать лет провел в Угле, и у тебя все зубы целые. И это на баланде? На гнилой воде?..

– Я ел красный мох, господин капитан.

– А кто тебе его приносил? Сторговались с надзирателем?

– Нет, господин капитан, этот мох растет на сырой стене, его там много – до самого потолка.

– Хорошо, проходи, клади на стол узелок и выкладывай все из карманов.

Мартин прошел к столу и, положив узелок, развязал его. Потом добавил сверху кошелек с медью.

– За что был посажен в Угол? – спросил капитан, перебирая пожитки Мартина.

– Забрался в башню, хотел украсть золото у его светлости.

– Вот как? А разве он не должен был тебя за это повесить?

– Он приказал повесить, но веревка оборвалась, тогда заменили виселицу тюрьмой.

Капитан и его коллеги снова переглянулись.

– Значит, вешать стали – веревка оборвалась, в Угол посадили – двадцать лет просидел и вышел здоровым. Да ты просто счастливчик, Мартин!

Вдруг где-то рядом раздался жуткий душераздирающий вопль, заставивший Мартина замереть.

– А вот у нас здоровыми никто не выходит, – сообщил капитан, развязывая кошелек. – Где деньги взял, украл?

– На дороге нашел, господин капитан.

– Так, кошелек пыльный, медь позеленевшая... Похоже на правду...

Капитан затянул кошелек и бросил в общую кучу барахла, где не нашлось ничего, что бы его заинтересовало.

– Ты мне вот что скажи, Мартин...

В этот момент за стеной снова закричали, а затем послышались рыдания.

Капитан недовольно взглянул на коллег, и один из них подошел к соседней двери и, распахнув ее, крикнул:

– Прервись на минутку, Курт, мы тут тебе новенького подготавливаем.

– Ладно... – раздалось из сумрачной комнаты, и Мартин увидел раскачивающееся на цепи обвисшее тело.

Дверь в пыточную закрыли, и капитан спросил:

– Скажи мне, Мартин, кого из своих старых дружков ты навещал?

– Никого не навещал, господин капитан. Я только сейчас в город пришел, а из дружков едва ли кто-то остался – двадцать лет срок немалый.

– Двадцать лет срок немалый, – согласился капитан. В этот момент из коридора послышался шум, дверь распахнулась, и трое офицеров вытянулись в струнку.

Мимо Мартина, обдав его волной заграничных духов, прошел высокий человек в таком же сером, как и у офицеров, мундире и в шляпе с огромной брошью в виде королевского герба. Оружия на нем не было, только изящная трость с круглой серебряной рукояткой.

– Итак, ван Гульц! Какие у вас успехи?! – раздраженно спросил незнакомец.

– Допрашиваем подозреваемого, ваше сиятельство! – ответил капитан.

– Я спросил, как успехи, а не что вы сейчас делаете.

– Пока успехов нет, – сник капитан.

– Успехов нет, – повторил незнакомец и стукнул тростью об пол. – Делайте что хотите, капитан, бейте их, жгите, рубите, но чтобы через сутки королевская...

Тут королевский вельможа осекся, вспомнив, что в помещении находится посторонний, и, еще раз ударив тростью об пол, добавил:

– Одним словом, вы меня поняли.

После чего вышел, хлопнул дверью и сердито затопал по коридору, а за ним засеменила поджидавшая за дверью свита.

Капитан взъерошил коротко стриженные волосы и вздохнул, потом посмотрел усталыми глазами на Мартина и сказал:

- Слышал господина королевского прокурора?
- А это был он? – удивился Мартин.
- Да, приятель, королевский прокурор, его сиятельство Бриан Монроль.
- Зачем ты ему это говоришь, ван Гульц? – спросил один из офицеров.
- А что мне ему еще говорить? Все уже сказано...
- И, снова обращаясь к арестованному, капитан добавил:
- Сейчас мы станем тебя жечь и рубить, как приказал его сиятельство.
- Но за что же, господин капитан?
- Не за что, а для чего. Ты должен рассказать нам обо всех друзьях, которые у тебя оставались. А мы их найдем, притащим сюда и будем...
- Жечь?
- Там посмотрим. Не будешь помогать, мы сожжем тебя там, за дверью.
- И капитан кивнул на дверь пыточной.

26

Мартин был близок к отчаянию. Он только что вернулся после отсидки в страшной тюрьме всего королевства и сразу же попался, сначала Харперу, а теперь тайной канцелярии, и что самое страшное – он понятия не имел, чего от него требовали.

– Господин капитан, может, если бы вы мне хоть что-то объяснили, я бы вам смог помочь.

– А чего тебе непонятно? Сейчас подгоним бричку с решеткой и поедем по всем адресам, которые ты помнишь.

– Но двадцать лет прошло, из пары десятков моих знакомых вы можете найти полтора инвалида, от которых никакого толку – они давно не в деле.

Капитан посмотрел на Мартина, словно оценивая его, потом почесал в затылке.

– Нельзя, ван Гульд! Это строго секретно! – напомнил ему один из коллег.

– А что мы теряем? И потом, не обязательно говорить ему все, – возразил капитан и, повернувшись к Мартину, указал на один из стульев. – Садись, попробуем поговорить.

Мартин прошел и сел. Стоявшие у стола два лейтенанта переглянулись и тоже устроились на стульях, не спуская с Мартина настороженных взглядов.

– Говори, что ты хотел бы знать, – сказал капитан, присаживаясь на край стола, чтобы все это выглядело не слишком официально.

– Насколько я понял, господин капитан, у вас что-то пропало.

– Не у нас, но это неважно. Да, были украдены ценности у супруги королевского прокурора.

– Много?

– А это имеет значение?

– Имеет, господин капитан. В зависимости от размера добычи похитители будут вести себя по-разному.

– Что ты имеешь в виду?

– Одно колечко можно продать кому угодно – даже мяснику в его лавке, а вот десяток перстней с камнями – это уже другое дело. Тут будут искать значительных покупателей, поскольку не каждый скупщик возьмется за такое дело.

– Почему не каждый?

– Потому что такой куш становится опасным для самого вора или скупщика – свои могут прирезать.

– То есть ты хочешь сказать, что тогда нужно искать других скупщиков?

– Так точно, господин капитан. И там уже могут оказаться не воры и не барыги-тряпочники, а вполне приличные с виду люди.

– Кто, например? Чиновники? Крупные арендаторы?

– Нет, чиновники слишком бедны, и даже того, что они подворовывают, едва хватает на развлечения. Арендаторы тоже далеки от подобных афер, их дело выжимать деньги из зерна или картошки. А вот менялы за такое возьмутся легко.

– Обоснуй.

– Они часто дают в долг под залоги, поэтому у них всегда имеется запас золота с камнями. У них хорошие связи, если здесь трудно продать большое количество колец, они всегда могут переправить их куда-нибудь за море, у нас же портовый город, плыви куда хочешь.

– Мы не можем трясти менял по всему городу, у них, как ты сам понимаешь, хорошие связи не только за морем, но и в нашей столице. Вот если бы ты дал имя одного, мы бы могли его взять. И потом, откуда у тебя информация, что менялы такие дела проворачивают?

– Когда я был вором, господин капитан, я пару раз сбрасывал менялам золотые украшения.

- И много?
- Отдавал золота с камнями тысяч на пять, а они платили полторы.
- Понятно. Что дальше?
- Теперь расскажите, сколько там всего было.

Капитан посмотрел на лейтенантов, и те ничего не сказали. Все находились в затруднительном положении, а королевский прокурор не обещал им легкой жизни.

- Ладно, там было два колье, десяток перстней и... брошь. Брошь, Фернстоп?

- Да, брошь с розовым бриллиантом, – подтвердил один из лейтенантов.

- Это все? – уточнил Мартин.

- Это все, – с нажимом произнес лейтенант.

– Мне показалось, что вы не все перечислили, господин капитан, или какая-то из вещей была особенно важной.

– Да с чего ты взял?! – воскликнул Фернстоп, вскакивая, но, наткнувшись на строгий взгляд капитана, опустил на место.

– Там все вещи были особенными, Мартин, потому что принадлежали супруге королевского прокурора. Теперь говори, что будешь делать дальше.

- Где это произошло?

- В порту.

- А когда хватились?

– Сразу. Кучер заметил, как от кареты метнулся оборванец, за ним сразу бросилась охрана, но он спрятался среди шаланд, и найти его не смогли.

- В чем были драгоценности и в чем их унесли?

- В коробке из палисандрового дерева, в ней их и утащили.

- Коробку не нашли?

– Не нашли. Ни коробки, ни оборванца, там столько мусора среди шаланд плавает, что не разберешься. Некоторые уже утонули, и только мачты торчат.

- А за причалами вы потом не следили?

- Да не то что следили, а даже оцепление поставили. Оно до сих пор там.

- Господин капитан, тогда, может, мы туда съездим?

Капитан посмотрел на лейтенантов, те уже успокоились и только пожали плечами, дескать, почему нет. Ровная речь и вопросы Мартина по существу заставили их отнестись к нему внимательнее.

- Ну, а что мы теряем? Дадим арестанту шанс, пусть поработает, – сказал ван Гульц.

27

Уже через пять минут легкая карета, запряженная парой лошадей, несла троих офицеров и Мартина по улицам города. Возница громко кричал на прохожих, щелкал бичом, и люди в страхе прижимались к стенам, когда экипаж пронеслся мимо.

До порта было недалеко, и скоро разогретый воздух наполнился ароматами гнилых водорослей и рыбьей чешуи. Лейтенанты стали морщиться, а Мартин, напротив, вдыхал эти запахи с удовольствием. Для людей приезжих это казалось просто вонью, а для него, выросшего на берегу, это был запах соленого ветра и свободы.

В порту также многое переменилось. Причалов стало больше, и они обновились. Старые – частью снесли, а частью оставили догнивать в пользовании у рыбаков и контрабандистов. Именно там, у прогнивших досок, и теснились шаланды, среди которых укрылся злополучный вор. Но теперь подход к ним преграждала цепь солдат из гарнизона городской крепости, которых дополнили городской стражей и несколькими серомундирниками из тайной канцелярии.

Дверцу распахнул подбежавший сержант, и офицеры вместе с Мартином сошли на засыпанную чешуей землю.

– Что тут у вас, Фриц?

– Все тихо, господин капитан. Никого не пускаем, никого не выпускаем. Они пробовали было шуметь, но я, знаете ли, быстро их утихомирил. Теперь сидят возле своих лодок и перебирают чего-то.

– Ты проверил, что именно?

– Поплавки, говорят, сушат.

– Сушат?

– Да. Говорят, чтобы сети лучше держали.

– Так, – капитан повернулся к Мартину. – Что скажешь?

– Сначала стоило бы подойти к шаландам.

– Ну пойдем к шаландам, – вздохнул капитан, на лице которого были написаны досада и тоска. Ну что здесь за работа? То ли дело в столице – шпионы, любовные амуры, то да се.

И они пошли мимо новых причалов к старым, с почерневшими досками. Мартин вспоминал, как когда-то учился здесь воровать, смешиваясь с грузчиками, когда прибывали целые караваны грузовых судов.

Купцы хотели быстрее разгрузиться и продать товар, пока цена была на уровне, а потому набирали для работы всех, кто попадался. Начиналась беготня, путаница, и стоило сбросить с мостков мешок с просом, как эта путаница усиливалась и можно было утащить с воза штуку крашеной шерсти. В ту пору это была огромная добыча.

Они добрались до края старых причалов, оставив позади цепь солдат. Те держались подальше от гнилых досок, но офицерам тайной канцелярии бояться не полагалось, а Мартин просто знал, как ходить по таким доскам, чтобы не провалиться.

– И что же, господин капитан, никто не видел, куда подевался оборванец? – спросил Мартин.

– Он ушел в воду! – ответил за капитана сержант. – Пробежал по палубе, а потом плюхнулся.

– И что, даже не всплыл?

– Не всплыл.

– А кто-нибудь видел, как он плюхнулся?

– Нет, слышали только, как нырнул, но никто не видел.

Мартин огляделся и вздохнул. По всему выходило, что воришка охрану провел, но если они действительно вовремя закрыли порт, украденная шкатулка должна была остаться здесь.

– А кто это на лодках? – спросил Мартин, кивнув на копошащихся людей, который сержант Фриц не выпускал из порта.

– Это рыбаки здешние.

– А давайте на них посмотрим, господин капитан.

– Хорошо, иди первым.

28

У соседнего причала на волнах покачивались лодки, принадлежавшие местным рыбакам, которых солдаты не пускали в море, но лишь на паре посудин находились команды – четверо человек в одной, трое в другой.

Мартин прошел мимо них, потом вернулся к стоящим поодаль офицерам.

– Ну и что скажешь? – спросил капитан.

– Это не рыбаки.

– А кто же это?

– Двое похожи на грабителей, а остальные воры.

– Как ты определил, что они не рыбаки?

– Они эти сети только издали видели. Поплавки перекалывают, а мотня комом. Башмаки у них на кожаной подошве, а у рыбаков подошва деревянная, из бука. Ну и вообще, по ним видно – не рыбаки они.

– Понятно. А кто грабители? Те, что здоровее?

– Вон тот, сутулый, и тот, который здоровый. Они точно не воры.

– Так, сержант, ты все слышал? – спросил капитан.

– Так точно. Что прикажете предпринять?

– Сейчас решим. А что ты, Мартин, думаешь про воришку? Он сбежал?

– Нет, господин капитан, думаю, он что-то сбросил в воду, чтобы показать, будто нырнул. А на самом деле отсиделся на шаланде, оставил где-то там шкатулку и потом ночью тихо доплыл до своих.

– А точно шкатулку не взял с собой? – спросил лейтенант Фернстоп.

– Думаю, не взял, ее ведь и выронить можно.

– Так, спасибо, приятель. Если все сложится, мы тебя отблагодарим. А пока, сержант, слушай мою команду...

– Слушаю, сэр.

– Берешь пятерых наших, местных не трогай и подгоняй сюда. Потом выволочем этих из лодки и свяжем.

– А развязывать языки им станет Курт, – добавил второй лейтенант.

– Да, они у него запоют сразу.

– Господин капитан, у меня есть еще одно соображение, – сказал Мартин, продолжая смотреть на лжерыбаков.

– Говори.

– Вон тот, самый молодой по виду, у него одежда тряпкой висит и на плечах соль. Скорее всего, это он плавал.

– Думаешь, его первым скрутить нужно?

– Не знаю, это вам решать, но куртка на нем добротная, с подкладкой. В этой подкладке можно поискать колечко.

– Колечко?

– Ну, или цепочку. Ему пришлось до ночи сидеть наедине со шкатулкой, такого испытания ни один вор не выдержит. Что-то он наверняка оставил для себя и спрятал. Что-нибудь небольшое.

– Но их всех обыскивали. Хотя, конечно, колечко в подкладке могли и не заметить.

Подошли вызванные сержантом солдаты, и капитан приказал им встать полукругом, чтобы «рыбаки» из лодки не сумели прорваться к пристани.

Потом он приказал сидевшим в лодках выйти на пристань.

– Нам сети сушить надо, господин офицер! – прокричал ему сутулый.

– Выходить, я сказал!

Делать было нечего, выдававшие себя за рыбаков люди стали подниматься на пристань, где их обыскивали и тут же связывали. Неожиданно сутулый выхватил узкий нож, полоснул им солдата и помчался в сторону складов, однако бросившиеся наперерез стражники сбили его на землю и начали избивать древками алебард.

К раненому солдату подбежал цирюльник, умевший останавливать кровь, и пара стражников.

Тем временем оставшихся воров связали, а у того, на которого указал Мартин, за подкладкой нашли цепочку с кулоном. После этого его отвели к шаландам, и капитан ван Гульд, вынув кинжал из ножен, сказал воришке, что будет резать его на куски, пока тот не скажет, где остальное.

Вор запираяться не стал, капитан выглядел более чем убедительно.

29

Обратно в купеческий дом у торговой площади приехали все вместе – Мартин и трое офицеров в той же карете, а на тюремной бричке позади них везли под охраной шестерых связанных арестантов.

Седьмого, избитого стражниками, везли на отдельной бричке, капитан заподозрил в нем организатора похищения.

По прибытии на место арестантов рассовали по карцерам, которых в подвале оказалось достаточно. Поначалу и Мартина тоже хотели сунуть в один из этих погребков, по сравнению с которыми его огромная камера в Углах выглядела королевскими апартаментами, но в последний момент капитан передумал и велел вести Мартина в допросную.

Но лейтенантам возвращение Мартина не понравилось.

– Зачем вы привели его, ван Гульц? – воскликнул Фернстоп, вскакивая.

– Затем, что он нам помог, – ответил капитан.

– Прокурору это не понравится, – заметил второй лейтенант.

– Мы этого еще не знаем, – возразил капитан и бросил Мартину его узел. – Держи, может, еще отобьемся.

«От кого, господин капитан?» – хотел было спросил Мартин, но, увидев, как смотрят на него оба лейтенанта, воздержался. Поймал узелок и присел на корточки у стены.

– Может, он еще остынет, – сказал капитан и, взяв шляпу, сел напротив своих оппонентов.

– Вы плохо знаете графа, ван Гульц, – заметил один из лейтенантов.

– Возможно, – сказал тот и стал ждать.

За дверью снова закричал какой-то несчастный. Потом еще раз.

– Да что он там делает?! – возмутился ван Гульц. – Дело же закрыто!.. Давай, Фернстоп, скажи, чтобы прекратил!..

Лейтенант поднялся и, распахнув дверь в пыточную, сказал:

– Заканчивай с ним, Курт, мы уже распутали это дело.

– Извиниться и отпустить? – спросил хриплый голос и, не дождавшись ответа, захохотал, от чего у Мартина по спине побежали мурашки.

– Нет, просто добей. Ты нам мешаешь.

Лейтенант закрыл дверь и вернулся за стол, бросив на сидящего у стены Мартина неприязненный взгляд.

Скоро в коридоре послышался знакомый шум, дверь распахнулась, и в помещение снова влетел королевский прокурор.

Офицеры и Мартин вскочили и замерли, ожидая реакции его сиятельства.

– Итак, капитан, я слышал, есть новости?

– Так точно, ваше сиятельство, – ответил ван Гульц. Затем достал из холщового мешка шкатулку и передал королевскому прокурору. Тот мгновение подержал ее в руках, словно гипнотизируя крышку ларца взглядом, а затем открыл.

Пару мгновений было непонятно, доволен он возвращению пропажи или нет, но затем лицо прокурора просветлело, и он вздохнул полной грудью.

– Как видите, ваша светлость, перстень на месте.

– Да, капитан, вижу. Вы меня сегодня обрадовали.

Прокурор захлопнул шкатулку и, подняв глаза, увидел Мартина.

– А этот... почему он здесь? Почему он еще жив?

– Ну, он ни при чем, ваше сиятельство. Мало того, он помог нам найти этот ларец и вообще не знает, в чем смысл этих поисков. Для него это только кража и ничего более.

– Капитан, вы не первый год на службе, неужели мне нужно вам что-то объяснять?

Прокурор снова сердито ударил тростью об пол и вышел вон, где в коридоре его ожидала многочисленная свита, а лейтенант Фернстоп бросил шляпу на стол и сказал:

– Ну вот, ван Гульц, теперь вы попали в глупое положение.

Капитан посмотрел на Мартина, потом сел за стол.

– Вот что, Фернстоп, ты пойдешь со мной конвоировать этого субъекта до окраины города.

– Зачем так далеко? – удивился лейтенант.

– Затем, что здесь и так все забито трупами. Ночная команда едва успевает их вывозить.

Идемте.

Капитан встал, и вместе с ним вынужденно поднялся лейтенант Фернстоп, со вздохом надевая шляпу.

– Ну что, Мартин, готов с нами прогуляться? – спросил капитан и подмигнул арестанту.

– Как скажете, господин капитан, – ответил Мартин, понимая, что капитан пытается ему что-то сказать втайне от своих коллег.

– Тогда – на выход.

Через минуту они уже были на прохладном дворе, в тени разросшихся каштанов. Собаки дремали на мостовой, несколько солдат, ослабив поясные ремни, вели неспешные беседы. Лошади вздрагивали, отгоняя мух, и позвякивали упряжью.

– Давай туда, – сказал капитан, указывая Мартину на длинный забор, вдоль которого можно было добраться до ворот.

– А какой экипаж возьмем? – спросил Фернстоп, не подозревая о намерениях капитана.

– Рыжего возьмем, он быстрее других соображает, – сказал ван Гульц.

– Да, по сравнению с другими Рыжий просто шторм.

30

Мартин шел первым, сжимая в руках свой драгоценный узелок, где были пара сменных штанов, бритвенные принадлежности и кошелек с позеленевшими от времени медными монетами.

Он догадывался, что капитан что-то задумал, чтобы спасти его, ведь королевский прокурор был значимой величиной и противиться ему было смерти подобно.

Лейтенант Фернстоп ни о чем не догадывался, он был уверен, что сейчас капитан ударит бедолагу кинжалом, а потом останется лишь призвать служебный экипаж, чтобы те отвезли труп и сбросили на окраине города. Обычное дело, ничего нового.

Но неожиданно капитан остановился и сказал:

– Ну что, Мартин, можешь заехать мне в морду?

– Прошу прощения, господин капитан, я не понял, – ответил Мартин с удивлением поглядывая на капитана и стоявшего позади него лейтенанта Фернстопа.

– Твой последний шанс, приятель, это дать мне в морду и прыгнуть через забор.

– Я... я не могу, господин капитан, – признался Мартин.

– Тогда я зарезу тебя через две минуты возле экипажа, дурак. Ты этого хочешь?

– В таком случае – прошу прощения, – сказал Мартин и врзал капитану что было сил. Ван Гульц опрокинулся навзничь, а Мартин вскочил на высокий забор и был таков.

– Да что же тут происходит?! – воскликнул Фернстоп, бросаясь к капитану и помогая ему подняться, а тот посмотрел лейтенанту в глаза и спросил:

– А ты что думаешь?

– Арестованный сбежал, господин капитан! Он дал вам в лицо!

– Он не только мне дал, лейтенант, он и тебе немного отвесил, – произнес капитан и ударил лейтенанта в переносицу.

– О-о-о! Господин капитан! – простонал лейтенант, заваливаясь на забор и держась за лицо.

– Это для твоей же пользы, Фернстоп, не то получится, что он сбил меня с ног, а ты ему ничем не помешал.

И оставив лейтенанта, ван Гульц стал кричать, призывая солдат в погоню, чтобы «немедленно настичь мерзавца».

Несколько из них выскочили на улицу, но спустя полчаса вернулись ни с чем.

– Исчез, господин капитан! – развел руками посланный с ними сержант. – Растворился в толпе, как его и не было!..

– Закройте ворота, – махнул рукой капитан и направился к дому.

– Глупая какая затея была, – сказал догнавший его лейтенант, все еще проверяя нос – не сломан ли?

– Нормальная затея. Справедливая.

– Да кто он вам, этот каторжник, господин капитан, чтобы так стараться?

– Он выложил нам этот ларец на блюдечке, без него мы бы обделались перед прокурором и тот позаботился бы о нашем будущем и о твоей карьере в частности, лейтенант Фернстоп.

Лейтенант вздохнул, ведь капитан был прав. Если бы не нашлась шкатулка, где находилась печать его королевского величества, дело стало бы дрянью, ведь печать королевский прокурор вез инзийскому владыке, чтобы подтвердить свои полномочия для дипломатических переговоров.

Между Карнейским королевством и Инзи уже пять лет шла война, которая отнимала у них силы, при том что повод был смехотворный – скалистый остров в океане. Эта война была

очень выгодна прибрежной державе Инглиндии, тайные эмиссары которой работали в обеих воюющих странах и делали все, чтобы эта война не прекращалась.

Через свою агентуру инглиндцам удалось узнать о готовящейся миссии королевского прокурора, и они предприняли ряд мер, чтобы помешать этому.

Прокурор подозревал, что и это похищение королевской печати было из ряда тех же враждебных действий.

31

Пробираясь между наставленных вдоль домов повозок, по улице торопливо шел человек. На нем была смятая шляпа, выдавший виды сюртук с чужого плеча, пара серебряных колец на пальцах, которые он не слишком часто мыл. Штаны в латках, зато башмаки совсем новые – он снял их недавно с пьяного лавочника и решил не пропивать, оставив добычу себе, – уж больно хорошо они прилипли к ноге.

Юркнув в неможенный двор, субъект перемахнул через заболоченную лужу и, пройдя вдоль обшарпанной стены, остановился возле узкой, но основательной двери, которую не смогли бы выбить даже дюжие стражники-монгийцы.

Оглядевшись, субъект взялся за кольцо и трижды стукнул им в дверь. Потом выдержал паузу и ударил еще два раза.

Дверь приоткрылась, и на пришедшего взглянули в узкую щель.

– Черпак? Ты почему один?!

– Открывай, дело срочное.

Дверь открылась шире, пропуская Черпака внутрь, а тот, кто встречал гостя, выглянул во двор и, убедившись, что посторонних нет, закрыл дверь на засов.

В подвале было сумрачно, немного света попадало лишь через окошко под самым потолком, защищенное к тому же кованой решеткой.

За большим замызганным столом сидели несколько воров и лениво перебрасывались в кости по небольшим ставкам. Это была резервная команда, которую богатый покровитель выдвигал в случае крайней необходимости. Или вообще не трогал, и тогда они сутками сидели, бросая кости.

Впрочем, даже за пустое сидение им выдавалось по терции серебром, чего потом хватало на целый вечер безудержного веселья в грязном кабаке на окраине города.

Кто-то из воров считал такой способ заработка ниже собственного достоинства и предпочитал рисковать на улице между клиентом и стражником, зато оставаясь себе полным хозяином, но некоторым гарантированное жалованье нравилось. При том, что даже работа была не сложной – пришить кого-то, на кого покажет старший, и никаких тебе гонок со стражниками или драк с конкурирующими группировками.

Встретивший Черпака человек провел его через комнату и открыл еще одну дверь в чистый коридор с побеленными стенами и горящим масляным фонарем на полке.

В конце коридора была приемная с ленивым на вид англичанином, носившим простое платье и говорившим с акцентом.

Англичанин сидел за пустым столом и, казалось, не страдал от вынужденного безделья. В углу приемной стояли два арбалета с вложенными болтами и приготовленной «козьею ножкой», а за поясом у охранника имелось полдюжины трехгранных кинжалов, которые он метал на двадцать шагов с отклонением в пару дюймов.

– Докладчик к мистеру Бейбу, – сообщил сопровождавший Черпака человек, служивший англичанинцам не первый год, но так и не ставший для них своим.

Англичанин по имени Трей прибавил стоявшему на столе фонарю яркости, еще раз взглянул на посетителей, а затем сказал:

– Давайте, вперед. Но недолго, ты понимаешь меня?

– Да, мы мигом, – заверил провожатый, бывший фатовый вор Балануста, ставший для англичанцев «человечком», «местным» и даже получивший новое имя – Лоттар.

Лоттар стукнул в дверь и, открыв ее, вошел внутрь, за ним вошел Черпак, который впервые оказался так глубоко в конспиративных апартаментах.

32

Комната, в которую они вошли, оказалась залита дневным светом, хотя это было невозможно, ведь подвал находился на пять локтей ниже уровня земли. Тем не менее из окон лился свет, спроектированный системой зеркал из настоящей амальгамы – безумно дорогой в Лиссабоне и любом другом городе Карнейского королевства.

Навстречу гостям вышел Бейб, невысокий человек с волосами до плеч, носивший платье, похожее на мундир казенного чиновника и сельского учителя одновременно. У Бейба никогда при себе не было оружия, но всегда имелся кошель с золотыми и серебряными терциями, которые работали лучше иного кинжала.

– Это Черпак, Бейб, он сидел в схроне в порту и принес новые известия.

– Говвори, Черпакк... – разрешил Бейб, складывая руки на груди.

– Там это, ваша милость... Серые мундиры налетели. Всех заарестовали и забрали ящик. Это с цацками который. Со всеми цацками.

– Шкатулку с перстнями? – переспросил Бейб, опуская руки.

– Так точно, ваша милость. Прямо как по писаному – пришли, наших из лодок повытягивали, ваш сутулый хотел убежать и порезал одного солдата.

– Леггойн вступил в скваттку?

– Так точно, вступил. Но его уделали в дерьмо, прошу прощения.

– Схватили?

– Не то слово, ваша милость. Завязали в сто узлов, он как кукла был запеленутый, когда в хохолок забросили.

– Но как такое могло приключиться, все же шло хорошо?

– Они привезли какого-то стриженного, ваша милость. Стриженный и бледный. Он им все и указал, я со стороны хорошо видел. Как он указал, так их и взяли, и на этом все закончилось.

– Но кто это?

– Не могу знать, ваша милость, но обнаружить его можно, он очень заметный. Тормозной, это самое, на каждый вопрос думает долго – его в толпе сразу распознать можно.

– Хорошо, можете быть свободны.

Когда гости ушли, в углу отдернулась занавеска и вышел еще один персонаж – седой мужчина лет шестидесяти в черном камзоле с расшитым серебром поясом.

– Ну и что нам теперь следует предпринять, Бейб? – спросил он.

– Вы сами все слышали, ваша светлость. Полагаю, прежде всего следует избавиться от этого наводчика.

– Стукача?

– Стукача.

– Да, именно так. Но убрать его нужно тихо, так, чтобы это выглядело как несчастный случай или неудачное ограбление.

– Для нас это основной метод.

– Разумеется. Однако это лишь часть задачи, майор. Теперь, когда королевская печать вернулась к королевскому прокурору, мы вынуждены переходить к следующему этапу.

– Я немедленно пошлю курьера во Фрондби, чтобы информировать его величество.

– Это само собой, однако нужно придумать нечто такое, что затормозит деятельность королевского прокурора. Может быть, сжечь его корабль или что-то в этом роде.

– Прошу меня простить, ваша светлость, а какой смысл в этих задержках, если карнейцы с инзийцами решили заключить мирный договор?

– Все просто. Нам нужно сорвать переговоры до осени, потом начнутся зимние шторма и никакой связи не будет до весны. А за это время мы что-нибудь предпримем, например под-

готовим нападение карнейского корабля на флотилию инзийской принцессы. Ее отец очень привязан к дочери и не потерпит такого варварства. Тогда война разгорится с новой силой.

– О, благодарю, ваше сиятельство, вы открыли мне перспективу. А сейчас я пойду, распоряжусь насчет этого полицейского помощника.

– Да, Бейб, и еще одно, пусть это сделает кто-то из местных, однако за ними нужно проследить, чтобы не было досадных оплошностей.

33

Бейб уже знал, кого отправит на охоту за помощником тайной канцелярии, это был восемнадцатилетний Ронни по кличке Циркач. Он получил эту кличку за умение пробираться в дома по бельевым веревкам, но теперь претендовал на переход в категорию более важных воров, которым доверяли не только добывать кошельки или корзинки с продуктами, но и разбираться с неугодными.

Бейб знал о своих наемниках больше, чем они сами, однако лично он редко направлял того или иного вора на задание, предпочитая перепоручать это авторитетным преступникам. В противном случае это могло стать политической проблемой, а разговор с дознавателями из тайной канцелярии в его планы не входил.

– Черпак, Циркач, айда прогуляемся, – сказал Балануста, он же Лоттар.

Циркач поднялся и натянул босяцкую шапку, а Черпак еще раз бросил кости и обрадованно стрег с кона несколько мелких монет.

– Мне сегодня везет, Балануста!

– Заткнись, – оборвал его тот и направился к выходу.

Выйдя во двор, похожий на узкий колодец, они прошли в угол, который не просматривался из окон верхних этажей, и Балануста сказал:

– Все, Циркач, детство закончилось. Инструмент у тебя с собой?

– Вот, – ответил Циркач, приподнимая куртку и демонстрируя торчавший из-за пояса кинжал.

– Переложу в штанину.

– Понял.

– Сейчас пойдете с Черпаком по улицам искать стукача. Как только Черпак его опознает, уходит. Ты понял, Черпак?

– Чего не понять? – пожал тот плечами, продолжая подбрасывать на ладони выигранные монеты. – Показал и свалил.

– Черпак идет сюда, а ты за стукачом. В темном уголке его валишь и выворачиваешь карманы, чтобы все выглядело, как будто его грабнули.

– Понял, – кивнул Циркач.

– Ну тогда вперед, – скомандовал Балануста, и воры отправились на улицу, где их уже ждал Трей. Он вышел через другую дверь и маскировался за возом с кислыми яблоками, ожидая, когда появятся отряженные для работы воры.

Обычно подобные задания поручали ему, он знал, как сделать все правильно и незаметно. Но майор Бейб считал, что нужно обкатывать местную агентуру, поэтому теперь Трею чаще всего приходилось выступать контролером, ведь случалось, что воры в последний момент тушевались – не все из них занимались кровавым ремеслом.

Тогда Трею приходилось доделывать их работу, а потом решать вопрос с ними.

– О, братишка, сколько сегодня страху было, я чуть не обделался! – радостно сообщил Черпак, когда они с Циркачом оказались на улице.

– А чего так? – без особого любопытства поинтересовался Циркач, поглядывая по сторонам. Он не разделял восторгов Черпака, поскольку ему предстояла нелегкая работа. Раньше он не бросался на людей с кинжалом, не считая драк, но драка другое дело.

– Они, прям, почти по голове ходили, а я под старыми сетями лежал возле Гнилого дока!..

– Ну да?

– А когда господин Леггойн одного подрезал и попробовал сорваться, его так гасить начали, что я думал – все уже.

– А на самом деле?

– Серые мундиры его спасли, хотя он, как раз, одного из них и подрезал. Эй, смотри-ка, баба отрез тащит... Выдернем?

– Нельзя, мы здесь по другому делу.

– Да ладно, я рвану и за угол, отрез небольшой, под рубахой спрячу, – не унимался Черпак, глаза которого загорелись при виде легкой добычи.

– А вот этого не боишься? – поинтересовался Циркач, когда на другой стороне улицы появился стражник-монгиец. Он был без алебарды, но с колотушкой, а колотушка в руках монгийца была пострашнее кинжала.

– Старший околотошный, – прошептал в ответ Черпак, замечая на плече стражника серебряную пряжку. – Ладно, притихли и не дергаемся.

– Я и не дергался, это ты тут бузу развел. Смотри лучше, может, твой стукач попадетсЯ.

– Нету его здесь, он седой, бледный и ходит, как на ходулях.

– А что за человек?

– Понятия не имею. Но, должно, из наших, такие воров за милю чуют, оттого и опасны.

– Так он крепок?

– Нет, я же сказал, как на ходулях ходит – доходяга.

– А может, его серомундирники к себе увезли?

– Может, и увезли. Мы так до завтра его искать будем и хрен чего найдем.

– Можно шпану приспособить...

– Шпане платить надо.

– Но ты же в выигрыше, – усмехнулся Циркач.

– Мой выигрыш – только мой, – возразил Черпак.

– Ладно, давай вместе. У меня двадцать денимов выигрышных, могу дать десять.

– У меня пять выигрышных, могу дать три.

– Годится, пойдем на площадь, там Синий обретается, а у него самая большая банда.

– Господин Лоттар не обрадуется от такой циативности.

– Инициативности, – поправил Черпака коллега.

– Ишь ты, откуда такая грамотность, Циркач? Слышал, ты даже читать выучился – на хрена такая канитель?

– И читать, и писать, – добавил Циркач, поглядывая по сторонам, в том числе и на оставшегося позади околотошного, который выбирал что-то среди развалов молодой капусты и свеклы.

– А вору это зачем? Вору от этого сплошное расстройство брюха. Ой, смотри, какая баба!..

– Черпак, околотошный все еще посматривает нам в спины.

– Да я не в этом смысле, смотри, как юбки-то поддерживает! Эх, так бы и впился зубами – хороша баба!..

34

На площади перед домом городского головы торговля шла вяло. Немного овощей, немного прошлогодних яблок и картошки, а в остальном деревянные ложки, деревянные башмаки и немного жестяной посуды.

Здесь не шумели зазывалы, не шел коромыслом дым от жаровен и публика, в основном, была чистая и благопристойная, а потому и за кошельки держалась не так крепко, как на базарной площади.

Этим пользовались оборванцы-беспризорники, которые мастерски срезали кошельки и, передавая друг другу, становились ни при чем, когда их хватили стражники.

Пойманных тащили в местный околоток, где секли розгами и отпускали, а срезанный кошелек переходил к Синяю, пятнадцатилетнему главарю банды малолетних воров.

Синяй «косил» под калеку и сидел на углу улицы, опираясь на костыли, окруженный телохранителями из таких же оборванцев.

Случалось, ему даже подавали за уродство, и тогда подавший становился защищенным от воровства. И если он ронял кошелек или рассыпал монеты, ему тут же все возвращали до последнего денима. У Синяя тоже были свои принципы.

– Вон он, – указал Черпак на владельца площади, когда они с Циркачом вышли к дому городского головы.

– Вижу.

– А охраны-то, как у королевского прокурора!..

– Бобер мечтает посадить его на нож, – напомнил Циркач.

– Ну, это конечно, – согласился Черпак. Бобер был командиром другой подростковой банды, которая контролировала другую часть города и враждовала с бандой Синяя.

– Здорова, Синяй, – сказал Черпак, когда они с Циркачом остановились напротив «уродца» на костылях.

– Здорова, урки. Какие дела?

– Хотим за твоё здоровье выпить.

– Пейте, мне не жалко, – улыбнулся Синяй.

– На самом деле нужно человечка найти, – перешел на деловой тон Циркач.

– О, Циркач! Радость-то какая! – воскликнул Синяй, как будто только что увидел Ронни. Стоявшие рядом с ним полдюжины оборванцев засмеялись.

– Лобызаться не будем, – сказал Циркач. – Даем тринадцать денимов за помощь.

С этими словами он высыпал монеты в рваную шляпу Синяя.

– Копейки, конечно, совсем никакие, но для старых друзей постараемся, – пообещал Синяй и улыбнулся Ронни.

Когда-то давно Синяй был принят в подростковую банду, но его невзлюбили некоторые из старших. Синяя забили бы, как забивали множество других не понравившихся старшим новичков, но тогда за него, полуживого, вступился Ронни. Он получил шрам на руке, но двое его оппонентов пострадали сильнее, и Синяя оставили в покое.

Циркач подтолкнул напарника, и тот начал расписывать, как выглядит стукач, а спустя полчаса по городу разбежались посыльные и началось просеивание всей городской публики. Циркачу с Черпаком оставалось лишь гулять, зная, что теперь на их стороне несколько десятков помощников.

Дело практически было сделано, и они не спеша шли в сторону базарной площади, самой шумной и насыщенной ворами. Купив у торговли вареного сахара, они жевали тянучки и обсуждали молоденьких служанок, которые в этот час отправлялись перед обедом за зеленью для своих господ.

Неожиданно перед ворами появился Харпер. Он всегда возникал словно из ниоткуда и немало этим пугал окружающих.

– Здорово, воры.

– Здорово, Харпер, – ответил Ронни, убирая руку от штанины, где прятал кинжал.

– Какого хрена ты так выныриваешь, Харпер?! Я тебя чуть на нож не посадил!.. – воскликнул Черпак, но Харпер только усмехнулся.

– На охоту собрались, урки? Кого ловите?

– Не твоё дело, – ответил Черпак, но Харпер на него не обратил внимания. Его интересовал только Циркач.

– На мокруху подписался, Ронни?

– А тебе какое дело? – угрюмо спросил Циркач. Ему не нравилось, что этот мерзкий старик читает его, словно книгу.

– Для кого-то мокруха дело обычное, но только не для тебя. Запачкаешься, в тоску провалишься и сопьёшься в доках.

– Тебе ли говорить, Харпер? За тобой река кровавая.

Харпер вздохнул и сделался серьёзным.

– Ладно, кто старое помянет... Одним словом, повторяю своё предложение – пойдём ко мне работать. У меня не серебро дают, а золото.

– У меня своя банда, ты мне без надобности, – покачал головой Циркач.

– Понятно, на том и распрощаемся. Но напоследок подскажу, что охотитесь вы не на шакала облезлого, а на тигра. Его зовут Счастливчик Мартин, он двадцать лет отмотал в Угле и вышел вполне себе бодренький. Руки как клещи – каленую подкову переломят, так что, урки, опасайтесь.

И сделав это предупреждение, Харпер нырнул в толпу, как лягушка в тину, и был таков.

– Вот ведь зараза, – покачал головой оробевший Черпак. – Брешет он все, зря ты его слушал.

– Я его и не слушал, пойдём дальше, – сказал Циркач и, обойдя сбившихся возле телег людей, направился в сторону Рыбной улицы.

– А откуда знает, кого мы ищем? Он колдун, что ли? – забеспокоился Черпак, догоняя Ронни.

– Может, колдун, а может, у него в порту люди свои. Видели, как наши против серомундирников пластались.

– Видеть, может, и видели, за погляд денег не берут, но как он узнал, кто нам понадобился?

– Про это не ведаю, – развел руками Ронни. – Давай, что ли, рыбки соленой прикупим?

– После сахара-то?

– А чего? Я всегда люблю сладенькое, а потом чтобы солёненькое.

– Это как баб с перегонкой мешать. Отличное получается свойство.

– Ну тогда по рыбке. Я угощаю.

35

Купив на один деним полдюжины янтарных коржеек, Циркач и Черпак двинулись по Рыбной улице, чтобы потом свернуть на Канатную – поскольку эту улицу стражники не жаловали, а на Рыбной приходилось через каждые сто шагов нырять во двор, чтобы не попасться.

– Ты что-нибудь слышал про этого Счастливого? – спросил Черпак, когда они свернули на Канатную.

– Слышал кое-что.

– Ну и как он?

– Обычный вор, – пожал плечами Циркач. – Просто дело свое знал хорошо, приносил то, что другим не удавалось.

– Фартовый, значит, был?

– Фартовый.

– Но не стоппер же, правильно? Значит, тебе бояться нечего.

– Не стоппер. Но если бы и стоппером был, я бы от работы не отказался.

Черпак остановился и стал смотреть вверх по улице.

– Ты чего? – спросил Циркач.

– Сдается мне, кто-то по нашем следу шляется.

– С чего вдруг? – повернулся Циркач, надкусывая рыбу. – Может, ребята Синявого?

– Может, и ребята.

– Так что ты там увидел?

– Ничего не увидел, а только по спине как-то холодком дает.

– Страшно? – усмехнулся Циркач.

– Вроде того.

Они прошли еще шагов пятьдесят, когда из-за ближайшего угла выскочили двое беспризорников.

– Эй, Циркач! – крикнул один из них и подошел к знакомому вору.

– Привет, Поползень. Чего нарыли?

– Нашли вашего клиента, он в корме у заречных сидит. Поспешите, а то он уже похлебку доедает.

– Уже идем, – сказал Циркач. – Держи рыбку.

И он отдал мальчишке двух коржеек.

Беспризорники побежали вперед, чтобы, если что, не упустить клиента, а Циркач стал немного волноваться, ведь, возможно, совсем скоро ему придется ударить человека кинжалом.

Через пять минут скорого шага они вышли в переулок, где стояли дома, принадлежавшие заречным. Здесь были недорогие харчевни, в которые заходила разная публика.

На дощатом настиле под навесом стояли два длинных стола, за которыми сидело несколько посетителей заведения, и среди них был тот, на которого указали мальчишки.

– Ну что, этот? – спросил Циркач.

– Ага, он самый, – кивнул Черпак. – Ишь как жрет, никуда не торопится.

– Ну что, Циркач, работу принял? – спросил беспризорник Поползень, терзая зубами вяленую рыбу.

– Да, можете уходить, Синяю наш привет.

Мальчишки убежали, и Черпак с Циркачом остались возле бочки, откуда местные брали воду.

Собиравший тарелки заречный покосился в их сторону, и Черпак сказал:

– Ну ладно, пойду я. Нечего тут рисоваться.

– Давай, дальше я сам, – согласился Циркач, и когда Черпак как ни в чем не бывало прошел мимо обедающих и вышел через арку на улицу, отступил за угол и решил дожидаться, когда его жертва покинет людное место.

Часа через три начнет темнеть, однако так долго Циркач ждать не собирался. Хотелось поскорее сделать эту неприятную работу и победителем вернуться в подвал.

В переулке, где он стоял, было тихо, прохожие появлялись редко. Пробежала дворняга и, остановив на Циркаче взгляд, тут же потеряла к нему интерес и завернула за угол, где ей иногда перепадало косточек.

Циркач выглянул, чтобы посмотреть, что делает его клиент, но за столом его не обнаружил.

Тогда он побежал к заведению, заскочил внутрь, но и там не нашел своего клиента. В отчаянии Циркач сунулся на кухню, вызвав удивление хозяина и двух женщин-заречных, стоявших у плиты.

– Чего надо? – спросил хозяин, но Циркач уже выбежал на улицу.

Это был провал. Ему дали дело, от которого зависело, как к нему будут относиться старшие воры, и такой конфуз!

Циркач пробежался до перекрестка и с глухо колотящимся сердцем пристроился позади полной молочницы, переваливающейся с двумя бидонами.

Прячась за ней, Циркач наконец обнаружил пропажу, его клиент не спеша шел по улице и с интересом поглядывал по сторонам.

– Прочь с дороги! – крикнул возница, и Циркач отскочил в сторону, пропуская воз, груженный резко пахнущими кожами.

36

Он шел за клиентом целый час, то приближаясь, то отставая. Казалось, Счастливчик был ничем не озабочен и вел себя, как приехавший на выходные батрак.

На таких городские воры особенно любили охотиться. Впервые попав в город, деревенские восхищались, терялись, и в таком восторженном состоянии у них было проще увести кошелек, хотя они, по деревенской моде, прятали его в зашитом кармане.

В ход шли всякие розыгрыши, вроде случайного столкновения, улыбнувшейся девушки или самого простого: это не вы уронили золотой?

Холщовые штаны, такая же рубаха, куртка поверх – добротная, с подкладкой. Башмаки тоже хорошие, такие шьют богатым лавочникам.

«Надо не замарать обувь и куртку», – подумал Циркач, в очередной раз подходя к клиенту совсем близко, когда впереди образовался затор.

Напротив богатой лавки, торговавшей серебряной посудой и дорогой, шитой золотом одежды, с ломовой телеги сгружали привезенный комод с медными ручками. Комод был дорогой, и вокруг него сустились с десятков столярных подмастерьев со старыми овчинами на подстилку.

Лошадь дергала, хозяин лавки нервничал и бегал вокруг комода, мешая подмастерьям, а под его большим животом на вышитом поясе болтался кошель, набитый за день торговли золотыми терциями.

Заметив это биение под полой бархатного сюртука, Циркач почувствовал, что во рту у него сделалось сладко от желания немедленно срезать сумку. Однако сейчас он был при другом деле и никак не мог отвлечься на кошелек.

Вдруг из толпы выскочил пройдоха и быстрым движением срезал бритвой шнурок золотой сумки.

Не успел кошель упасть на брусчатку, как пройдоха подхватил его и бросился бежать – прямо навстречу Циркачу и его клиенту.

Циркач сразу узнал пройдоху, это был вор из предместий, который не должен был тут появляться, ведь за нарушение границ били. Но сейчас Циркач не мог призвать мерзавца к ответу, ведь ему предстояло сделать куда более важную и серьезную работу.

Когда вор поравнялся с клиентом Циркача, тот резко ударил его в грудь, заставив остановиться, а вторым ударом выбил из рук кошелек. Вор на мгновение опешил и бросился бежать, а Счастливчик поднял кошель с золотом и направился к голосящему лавочнику.

– Вот, хозяин, держи сумку и больше не плошай.

Толпа ахнула. Кто-то стал звать стражников, и они вскоре объявились – усатый сержант и два монгийцы. От сержанта пахло спиртным, монгийцы были трезвыми.

– Что за шум, кто звал стражу?! – строго спросил сержант.

– Все в порядке, господин Лурдик, вор убежал, а казну мне вернули!.. – обрадованно сообщил лавочник и сунул сержанту медную монету в десять денимов.

– Хорошо, что вернули, – сказал сержант и поправил съехавшую набок шляпу. – А то бывает... не того...

Он выразительно посмотрел на лавочника, и тот добавил монетку в пять денимов.

– Другое дело, это самое. А это кто, злодей?

Сержант уставился на Мартина в упор и даже коснулся его носа своими усами.

– Что вы, сержант, это наш благодетель, герой! Честный человек, он казну вернул! Я его теперь не отпущу, милости просим ко мне в апартамент, господин хороший!..

И лавочник потащил Мартина за собой, разом потеряв интерес к драгоценному комоду, и разгрузка продолжилась без него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.